

Александр Токарев

16+

Соколиный остров

Простые истории о рыбалке

Александр Токарев
Соколиный остров

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Токарев А. В.

Соколиный остров / А. В. Токарев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-09744-5

В этой книге рассказывается о реках и озёрах приволжской стороны, где шумят вековечно сосновые леса, тают закаты и полыхают летние зори в зеркале сонной воды. Ревут штормовые ветра, и бьёт прибой в крутой берег Волги. Приходят румяные морозы, и хрустит под ногами снежок на бескрайних просторах волжского водохранилища. Бежит себе среди лугов и лесов малая речка из детства, позванивая на перекатах и кружась в тихих омутах, веснушчатых от кувшинок. Это всё – родные места, близкие сердцу и душе, что и постарался передать автор в своих простых историях о рыбалке и природе. Для обложки была использована фотография автора.

ISBN 978-5-532-09744-5

© Токарев А. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Дорога на Светлое	5
Крещение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дорога на Светлое

Два Мартына

Каждый, наверное, российский лесной уголок имеет свое озеро Светлое. Одно так названо за чистую воду, сквозь которую глубоко просматривается мшистое дно с веселыми песчаными откосами, другое – за то, что вдруг проглянет оно ясно через угрюмый еловый лапник, откроется неожиданно с болотной клюквенной тропы, заросшей багульником. Спустится к искристой воде усталый путник, смахнет паутину, умоется, а затем и удивится: «Ишь, какое светлое!».

Наш путь лежит к озеру Светлому, что затерялось среди моховых болот и сосновых боров километрах в двадцати пяти от Кокшайского тракта. Нас трое: отец, я и мой приятель Геннадий. Отцу озеро знакомо по охоте на глухариных токах, ну, а мы с Геннадием впервые открываем его для себя. Не близко до Светлого, но дорога веселая: по буграм и чистым моховым низинам, через два озера: Большой Мартын и Малый Мартын. Имеет она и загадки. Едва минувешь старый песчаный Царевококшайский тракт, как у дороги начинают встречаться полустгнившие избы из столетних необхватных когда-то сосен. Они стоят в самых глухих осинниках и березняках. Кто жил в этих избах? И почему рубили жильё не на сухих сосновых буграх, где вольно и открыто, не у лесной речки или озера на чистине? И почему не сгрудились избы в одну большую деревню, а настороженно замерли на расстоянии двух-трех километров друг от друга? Не расколников ли скорбное и крепкое когда-то жильё догнивает на пути к Светлому? Знать бы... Этот путь к двум озерам-братьям мне знаком. Горячая от весеннего солнца дорога выводит нас к первому – Большому Мартыну, к землянке, что выстроена на месте погоревших рыбацких избышек. Говорят, жгли их солдаты с полигона, который находился где-то у соседнего озера Чуркан. Весь этот район был когда-то запретной зоной, как и большинство красивейших мест нашей страны. Мол, потому и жгли дома, что не велено... Но, может быть, просто пьяная бесшабашная рука губила жильё?

Лежим на теплой траве чуть усталые. Геннадий кусает ус.

– Далеко еще, дядь Володь? – это он к отцу.

– Только вышли, – спокойно тянет дым из папиросы отец, удобно привалившись к песчаному боку землянки.

Мы с Генкой, молча, переглядываемся и шуримся на озеро, в котором брызжет светом утреннее солнце.

Большой Мартын вытянут, окаймлен сосновым бором и зарослями берегового камыша. Летом он по береговой линии зарастет кувшинками. И по самой середине этого действительно большого, но мелкого озера протянется полоса лопушника. Здесь самые щучьи места. Помнится, на жерлицы-рогатки ставил отец в свое время миллиметровую леску, а за неимением таковой – двойную 0,8 миллиметра. Еще вспоминаю, как однажды, воткнув сосновый шест с жерлицей, я через какое-то время его на этом месте не обнаружил. Только илистая муть оседала по кромке кувшинок. Шест ли был хлипким, неглубоко загнанным в дно или щука крупна неимоверно, кто его знает? Брал здесь и сильный горбатый окунек, наваристый и сладкий в ухе. Утром тихонько оттолкнешь тяжелый плот от низкого берега и поплывешь беззвучно в тумане, нащупывая шестом илистое дно. Озеро дышит ночным теплом. Звонно отдается по тихой воде несмелое «ку-ку, ку-ку...». Потом кукушка, видимо, спохватывается и, как-то смешно всхлипнув, снимается, улетает в сосняк и уже там кукует сильно, не стесняясь нарушить тишину. За плотом на неподвижной глади остается едва заметная дорожка среди раздвинутой осыпавшейся поденки. Тихонько заплывешь в кувшинки, не торопясь, выбирая оконце. Вот это пой-

дет. Почему-то приглянулось именно оно. Может быть, только тем, что красиво лег на него алый заревой блик и поплавку удобно и таинственно краснеть лаковой верхушкой на его зеркальном овале. Подбрасываешь негромко червяка под светящийся бутон кувшинки. Дрогнув, поплавок исчезает, и видишь его уже под водой, уходящим в сторону лопушника. С бульканьем выпрыгивает из воды торопливый растопырившийся окунь, и ты его, теплого, осторожно ловишь задрожавшей ладонью. А там и глянет из-за кромки сосняка загоревшийся красный глазок. Так и начнется день.

Поселились в свое время на Большом Мартыне два старика-ворчуна. Еще мальчишкой встречал я их на озере. Умели они ловить здесь на удочку крупных линей, которые очень редко попадались на крючок другим рыбакам. И были у стариков свои плоты, легкие, с «сиделкой», веслом и шестом. Выходили они на своих плотках к приваженным линевым местам. Вставляли в самую траву, к окошкам среди кувшинок, где у них на расчищенное дно был высыпан песок. С этих чистин в траве и привык брать насадку красноглазый сонный линь. Тихо коротали дни старики на озере и так же тихо, незаметно ушли с него. Видимо, пришел их час.

Когда-то не надо было забираться далеко от озера в поисках грибов. Прямо с тропинки проглядывались коричневые хрусткие шапки боровиков. А спустишься от Большого Мартына к Подмартыннику – зарастающему травой маленькому озерцу – и нарежешь красноголовиков-крепышей, сколько на еду и в запас требуется. Ягоду не собирали для еды, а просто падали тут же, на бугре, у озера в черничник и, ленись от жары, брали ее губами с куста.

Жили мы так однажды на Большом Мартыне целый месяц. Как раз подошли отпуска у родителей, а у меня – каникулы. Перво-наперво вымела мама нашу полянку-бугор начисто, хоть сапоги снимай. Отец настелил лапника, сухой травы, а сверху поставил натянутую до звона палатку, для верности прикрытую полиэтиленовой пленкой. Окопал ее. Дом готов. Сделали и очаг, а рядом – временный навес на случай дождя, чтобы сумерничать у костра, когда не спится. Привез отец и кошку. Без нее какое жилье? Звали ее просто – Суслик. Уж не знаю почему, но прилипло к ней – Суслик и Суслик, к кошке-то... Так и зажили. Мы с отцом рыбу ловили с плотов и самодельной лодки. Сделана была эта лодка из дополнительного бака для горючего от «Миг-17». Сбрасывали баки по мере их опорожнения, а самолеты пролетали по ночам к озеру Чуркан. Бомбить мишени.

Отец рассказывал, как однажды на охоте увел его с правильной дороги лешак-лесовичок. Иначе он не мог объяснить долгое свое блуждание по местам давно знакомым. Мол, лукавый попутал. Мне же здесь видится причина более прозаическая. Не во фляжке ли алюминиевой солдатской лешак зеленоглазый прятался? Ну, так вот, долго еще бурлачил батя на своем «Иже» по болотам и сыпучим дюнам, пока, наконец, не выехал на большую чистую поляну, уставленную почему-то фанерными щитами. Поляна была сплошь изрыта яминами. Заподозрить бы тут неладное отцу да поскорей уезжать, а он прилег покурить на ветерке, чтобы без комаров. И тут из-за леса на бреющем полете вывалилась махина, которых у нас еще никто не видывал – «летающая крепость», четырехмоторный американский бомбардировщик «Боинг», из тех, что во время войны союзники нам поставляли по «лендлизу», помогали, то есть. И принялась эта крепость сыпать полутонными болванками налево и направо, только пыль заклубилась. Отец пулей скатился в ближайшую воронку. Отбомбившись, тяжелая машина вновь пошла на боевой разворот. Отец – скорей на мотоцикл, и только песок полетел из-под колес да лешак во фляжке смехом зашелся.

К слову сказать, ездить отец умел. В свое время, кроме легкой и тяжелой атлетики, стрельбы, занимался он и мотогонками. И в этом мне пришлось увериться, будучи однажды на Аргамачинской пристани. Крепко отметили тогда свой приезд отец с приятелем и хозяином дома одноногим Иваном. Качалась всю ночь Большая Кокшага от песен и стрельбы по испуганной луне. А потом сели дружки, один на «Ижа», а другой – на «Панонию», и устроили кросс по пересеченной местности при лунном неверном свете.

С рассветом я отправился с удочкой на реку за красноглазой сорожкой, которую прихотился ловить на хлеб и недоваренную перловку. Шел я луговой тропинкой, мокрой от росы, и весь путь сопровождали меня рыхлые борозды от кроссовых протекторов лихих гонщиков. Наконец след уткнулся в берег узкой старицы, через которую надо было переходить по бревну. Здесь, сообразно логике, следы мотоциклов должны были повернуть. Дальше ехать вроде бы некуда, только если – по целине вдоль берега. Так и сделала «Панония». Где же след «Ижа»? Его облысевший протектор был мне хорошо знаком. И шел он... прямо по бревну, оставив на содранной древесине фигурные шматки грязи. На той стороне переправы мотоцикл, видимо, все же соскользнул и рухнул с седоком в жидкую прибрежную грязь, усыпанную дубовым листом и желудями. Словно стадо кабанов, он вырыл в черном перегное громадную ямину, но вымахнул благополучно, сломав по пути тонкую ольху. Этой ночью здесь явно вершился шабаш...

Возвращаясь к повествованию, скажу, что наша лодка-бак была из прессованного, пропитанного чем-то картона и совершенно неустойчива. Этаким сигарообразный перевертыш. Для устойчивости привязывали мы к ней два бревнышка-балансира, и бежала она под байдарочным веслом резвее самого легкого плота. Вскоре на рыбу не хотел смотреть даже Суслик. Приедались и грибы, компоты, варенье, которые тут же на углях готовила мама. Тогда отец садился на мотоцикл и уезжал в город. Ждали мы его. Суслик вечерами уходил (уходила) на берег озера, садился на плот и долго смотрел на закат. В самую полночь, бывало, застучит движок мотоцикла, далеко еще, где-то на буграх – отец ехал. Суслик в один миг взлетал на дерево, а мы выходили из палатки и ждали у костра, подкидывая для света сухое смолье. Вынырнет из-за поворота «Иж-49», весь увешанный болотными водорослями, валко и неуверенно юля по песку, а на нем отец улыбается устало. В заплечном мешке перекатываются буханки хлеба, конфеты, колбаса по талонам в обнимку с килькой в томате. Городские подарки.

Много бед выпало Большому Мартыну. Рвали его тело взрывчаткой, травили вокруг какого-то жука или комара, после чего жуки и комары плодились и здравствовали, но поймать крупного красноперого горбача стало удачей.

До Малого Мартына отсюда не более двух километров. По пути к озеру взгляду открывается большая вырубка. Эта неестественная залысина, скорее всего, причиняет вред лесу, нарушает его привычную жизнь. По краю вырубки стоит избушка-зимовье из свежих сосен, где, наверное, и жили лесорубы.

Мы собираем на открытых теперь буграх, прогретых солнцем, хрустящие под ножом строчки, которые не уступают по крепости белым грибам. Сходны они с боровиками и темно-коричневыми шляпками. Вот только у строчков они сбились в кокетливые завитушки.

Малый Мартын круглый, как блюдце. Он меньше своего названного брата раза в три-четыре, но глубже несравненно. Отличается он и светлой по речному водой. Дно его покрыто мягким слоем ила. Ставя здесь жерлицы, приходилось вырубать очень длинные шесты-тычки, которые так долго уходили в илистую подушку, что казалось невозможным достать твердое дно.

Озеро окружено большей частью лиственным лесом с сосновыми буграми-чистинами, где нередко варят уху и звенят стопками рыбачки. Эти прогалы светло смотрят в озерную гладь и в обложную непогоду радуют взор затосковавшего одинокого чудака-рыболова. Глядит он в эти прогалы, и кажется, наверное, ему, что вот-вот и солнышко пробьется сквозь мутную небесную рвань. Но дождь все так же монотонно и мелко сеется на темную воду, и уже начинают рыболова одолевать сомнения: а бывают ли в этом влажном озерном мире, пахнущем теплой водой, ясные дни? Но к вечеру, случается, вдруг загудит старый бор, сбрасывая с мохнатых ветвей тяжелые капли, выдует его за ночь досуха ветром, а к утру на озеро уляжется звенящая тишина. И с восходом молодого солнышка неузнаваемо изменится этот мир, став цветным и ярким.

Имеет озеро и мрачноватую болотистую низину, заросшую осиновым, а большей частью березовым мелколесьем. Здесь в нередкую летнюю сушь только и можно набрать грибов – длинноногих черноголовых и крепких подберезовиков. На буграх в знойную эту пору лишь хрустит под ногами высушенный добела мох, и нахально высовываются отовсюду поганые грибы.

В Малом Мартыне есть очень крупная ямная щука, окунь-горбач и тяжелый золотистый линь, но, как и во многих лесных озерах, попадает на удочку чаще всего небольшой окунек.

Осенью в перелет здесь нередко садится утка. Словно поплавки, ныряют и выныривают гоголюшки, жирующие на самой середине озера, со свистом проходят кругами крякаши, быстрые чирки, выбирая место для ночевки. Где-то за озером, может быть, даже на Большом Мартыне, вдруг зайдутся заполошенно, заголосят на стоянке испуганные чем-то журавли. Палочным ударом стукнет выстрел одинокого охотника и раскатится эхом на воде.

На осенних охотах случается разное, где от смешного до грустного не так уж далеко. Помнится, собрал холодный вечер нас, рыболовов и охотников, у одного костра. Кто грелся чаем, кто – водкой да разведенным спиртом, а двое добротнo и дорого экипированных охотников в кепках-афганках все больше коньяком баловались. Жаром исходил общий костер из крученых смолистых пеньков, не подпуская к себе ближе, чем на три метра. Было по-осеннему пронзительно свежо, и сквозь пушистые лапы сосен глядела высокомерно большая до сказочности луна, отражавшаяся в тихой воде вместе с россыпью неимоверного количества звезд, видимых вот так скопом только в эти прозрачные осенние ночи.

Один пожилой рыбак, он же и охотник, представившийся Алексеем Егоровичем, что-то негромко рассказывал молодому товарищу. В подвыпившей компании трудно бывает такому повествователю. Здесь все больше на нерве и голосе держится, иначе не услышат, не поймут. Толкают в плечо для убедительности, с матерком да присказками, хвалятся оружием, а то и для наглядности саданут дуплетом по ближайшей сосне, так что щепки сыплются. Потом и до бутылок дело доходит, по мере их опорожнения. Вот и сейчас с выпитым становилось все бестолковее, но как-то незаметно тихий говорок Егорыча стал главным в этой шумной бравате, а вскоре завладел общим вниманием всецело. Но вначале Егорыч только к товарищу обращался, будто бы не замечал, хитрец, наступившей тишины.

– Ловили мы в свое время рыбу, было, – рассказывал со вкусом Егорыч. – Вот сейчас надергает кто-нибудь десяток плотвичек с палец и уже рад радешенек. По нынешним временам – на уху хватит и еще кошке останется. Душно рекам сейчас, муторно от грязи. Да... А мы в свое время не знали, что такое удочкой ловить. Сети ставили, подпуска, а рыба не переводилась.

Помнишь, показывал я тебе круговерть, что за Сосновым яром? Так вот, раньше там омут был мельничный. А где мельница – там и вся водная живность, сам знаешь. На подходе к омуту и ставили снасти. В самой-то глубине слишком коряжисто было. Да...

А к омуту тому глубокая Ипатьевская старица примыкала, а почему Ипатьевская – дальше рассказ. Многие мужики на нее зарились. Рыба там, как в садке, кишела, но не то, чтобы сети ставить, проплывать боялись в тех местах. Васька Ипатьев как-то рискнул, да едва жив остался. Ох, и понарассказывал!.. Плыву, мол, ночью, луна блещет, а водоросли, что волосы утопленников, за весло обвиваются. Жутко, говорит. А мне смешно.

Мужик-то больно крупный, да и в драках деревенских нос не прячет, а тут – жутко... И вот, говорит, выплываю на мелководье, а ботник подо мной ка-а-к вымахнет! Я – с него, да – в воду!

А там меня кто-то – хап! И потащил... Все, думаю, концы, какая-то потусторонняя тварь из бабьих сказок в свое логово волочит. Еле спасся! А Ваське-то в ответ мужики – брешешь, мол, пьяный был, наверное. Васька клянется и чуть не плачет. Ну ладно, посмеялись мужики и разошлись. А шалости на старице между тем не прекратились. Дружок мой, Лешка Шмелев,

так же опрокинулся. Говорит, едва на берег не выкинула его нечисть подводная. Потом и сосновские мужики про то же болтали. Вот так и перестали плавать по Ипатьевской старице.

А я-то по молодости самоуверенный был. Дай, думаю, нос утру мужикам здоровым. И вот однажды, чуть за вечерело, сажусь в ботник, кидаю в него сетешку-трехстенку да и айда на старицу. И ты знаешь, боязно. Все, как Васька Ипатьев рассказывал. Страх почему-то так и подкатывает. Тишина кругом до звона, росные травы задевают с берега, словно руками ощупывают, а луна мигает глазами, смеется жутко. Под лодкой – шорохи. Кажется, что кто-то ухватить хочет, да подняться не может выше борта. Да... Вам бы только поскалиться, а мне... Что? Литературно рассказываю? Было и не литературно, прямо нецензурно. Особенно, когда под днище врезало! Не знаю, как и в воде оказался на каком-то бревне. А бревно вдруг как ударит хвостом да как рванет! И-эх! Словно на жеребце, понесся я верхом на этом черте!

Потом только, когда на прибрежном песке оказался, дошло до меня, что сома оседлал. При мне он еще два вымахивал, тоже не мог успокоиться: обидно, мол, надо было посильнее вдарить. Охотничал, видать, Хозяин на мелководье или отдыхал при луне, а я ботником наехал. Он и осерчал...

Что, не верится? Небылица? Почитайте литературу-то, грамотные. Сомы в былые времена и на медведей насакивали, когда те на отмели рыбу лавливали. Это сейчас в бочагах и лягушки не встретишь. Вот вам и небылица...

Одобрительный смех и аплодисменты были Егорычу наградой, а он все так же тихо и неторопливо продолжал, словно не слыша этой досадной помехи, но товарищу все же подмигнул хитро.

– Был у меня, послушай-ко, пес-гончак, Бушuem звали. Умнейшая собака. Иной человек не додумается до того, что Бушуйка выкинет. Помогал он мне зайчатину добывать да лисиц выгонял под выстрел. А тут провинился Бушуй: раненого зайца догнал и под кустом съел до косточек, пока я на лыжах к нему спешил. Грех для голодной собаки, может, и небольшой, но озлился я сильно. Жизнь тогда трудная была. «Пшел, – кричу, – балбес! Домой лучше не приходи, враз шкуру спущу!». И ногами – топ-топ... Бушуй и понял, что дело плохо. Может, и обиделся. Три дня его не было. Ну, – думаю, – волки съели дружка. Тяжко мне на душе, а что делать?

И вот на четвертый день собрался я за окунями да плотвой на озерцо, бывали мы с тобой на нем – Подковой зовется. Утро звонкое, морозец кусает. А следов-то кругом заячьих да лисьих!.. Снег – хрусть-хрусть, солнышко! Вроде бы радоваться надо, а я все думаю: Бушуйку бы сюда, вот погонял бы дичину!

На озерце пробил я лунку у камыша, сел, блесенку-самоделку опустил. Тук-тук по блесне! Есть!.. Окушки, словно в очередь выстроились, да все крупные, желтоглазые! Им морозная погода тоже в радость. Так я разохотился, что перекусить забыл.

К вечеру запуржило. Лыжню замело, и пришлось мне по целине снег месить. Ходкие у меня лыжи, но чувствую – устал, испарина на спине. А тут еще вижу: в местах, где снег на лыжне повывудило – след виднеется, вроде бы волчий. Хотя следопыт-то я был тогда липовый, но кто его знает, а если волчий след?

Получается, что хищник шел за мной на озеро? Может, и не один он тут, а у меня только пешня с собой. Ружьишко без собаки вроде бы и не к чему. В общем, иду, выбиваюсь из сил, но скорости прибавил. И не смерти боюсь, а то, что будут рвать меня серые, как дичину, а потом скушают, ну и, извиняюсь, – естественным порядком... Сами знаете – круговорот... Смеетесь? А мне не смешно было, ребята.

Иду я и чувствую – тяжелеют лыжи, как гири. Что такое? Глянь назад-то... – Бушуйка!!! Словно заправский лыжник, идет за мной на лыжах, куда я ногу – туда и он лапу! И глазом косит хитро. Нет, вы поняли, какое умное животное? Он, видать, все эти дни к дому жался, подальше от волков, но на глаза не показывался – обиду берег. И до озера меня выследил по

крепкому-то насту. А обратно – шалишь! Снег не тот. Вот он и догадался пристроиться сзади. Простил я его на радостях, да и он меня, видать... Вот так, а вы смеетесь, мол, собака, балбес!.. Как?! Я сказал?.. Ну, значит, ошибся, бывает...

– Э-э, вы куда-куда улеглись, дурные?! – спохватился тут Егорыч, прервав рассказ, и кинулся оттаскивать от костра модных охотников, по всей видимости, перебравших коньяка и теперь улегшихся в самое пекло. Их офицерские бушлаты исходили уже не паром, а самым настоящим дымом, мерзко пахнущим горелой тряпкой и ватой. Они, похоже, так и продолжали особняком цедить «пятизвездочный» под разогретую тушенку и лимончик в сахаре, пока остальной народ заслушивался Егорычем. Скорее всего, этим солидным и, вероятно, уважаемым людям дома запрещалась рюмочка-другая. Здесь же, под куполом ослепительного ночного неба, среди лесных бродяг, жженных солнцем и первыми морозами, говорящих на грубоватом мужском языке, их обуяла эйфория свободы и, как дети, они просто не удержались перед легкой доступностью запретного. Здесь некому было их одергивать.

Всю ночь эти двое, извиваясь, словно червяки, заползали в костер, инстинктивно стремясь согреть свои рыхлые, непривычные к холоду тела. И всю ночь, бросая злые слова, их кто-нибудь да оттаскивал. Но к утру не углядели, уснули. А проснулись уже от дурного крика. Один из этих горе-охотников спалил себе в углях брови и ресницы. Лицо его заплывало страшным ожогом.

Вскоре за бугром зафырчал, прогреваясь, движок военного «уазика», и эти, в афганках, уехали, так и не сделав ни одного выстрела, оставив после своего отъезда тяжелое муторное впечатление, рассеявшееся не сразу.

Все это было потом, спустя годы, а пока мы идем к цели нашего путешествия – озеру Светлому. После Малого Мартына путь наш лежит по песчаным буграм, где напиться воды и освежить лицо можно лишь в моховых клюквенных болотах да в ручье, что перетекает из болота в болото через старый просек, по которому мы решили сократить путь.

Долгая старица

Отправляясь в дорогу, мы с Геннадием уже знали, что рядом со Светлым, километрах в четырех, проложила свое русло Большая Кокшага. Встречаясь с ней в разных местах, каждый раз удивляешься ее новому облику.

Выше по течению, где-нибудь у Юж-Толешево, река никуда не торопится. Глубокое тихое русло заросло желтоглазой кувшинкой, где тяжело бьет на зорях жирующая щука. Над этой неторопливой водой вековечно шумят дубы и клены, роняя по осени багряный и желтый лист. В росистых лугах, которые нередко открываются взору проплывающего путника, лениво пасутся коровы, щелкают кнуты пастухов, блеснет неожиданно в струйном душистом мареве луговое озерцо, словно мираж. В озерце спит жаркое полуденное небо, прыскает в панике серебристая верхоплавка, спасаясь от окуня, и глухо урчит под берегом старая лягва. Над водой висит бесконечный звон комаров. Эти озерца обычно соединяются с рекой, и населяет их та же речная рыба.

Ближе к Аргамачу и Шушерам русло Большой Кокшаги начинает тесниться в берегах. Глубокие ямы с вьющимися по течению водорослями чередуются, сменяются песчаными перекатами, где роются пескари, поднимая облачка мути. В струях, пронизанных солнцем, упорно держатся стайки черноспинной плотвы. Изредка по перекаату безвольно сплавится крупный язь, отбрасывая тень на хрящеватый золотистый песок, но тут же уйдет в темнеющую рядом яму, где лежат стволы мореного дуба-топляка. Бывает, что в таких ямах, сразу за перекаатом, начинает «бить» «водяной конь» – шереспер, хватая мелкую рыбешку своей беззубой пастью.

Здесь, так же как и в верхнем течении, наливаются по берегам медовой сладостью луговые травы, но большей частью это лесные места.

Спускаясь к Старожильску и дальше к Маркитану, все чаще можно встретить широкие плесы-ямы. С одной стороны этих плесов высятся крутые обрывы, пронизанные мощными корневищами, а с другой – тянутся заросшие ивняком пологие песчаные пляжи, с которых по весне ловят закидушками поднимающуюся волжскую рыбу. Говорят, в былые времена даже с Санчурска сплавлялись сюда в ботниках рыбацки, чтобы половить на горох крупного желтоглазого язя. В плоскодонных этих лодках стояли большие дубовые бочки, где просаливалась в тузлуке жирная рыба. Ловили тут «санчурята» все лето, а потом поднимались к себе, в верховья, преодолевая с тяжелым грузом перекааты и травянистые заводи. Значит, было из-за чего. Но это все рассказы.

Ниже Маркитана нам спускаться не приходилось, и мы поклялись дойти и открыть для себя Большую Кокшагу в этих глухих местах. А Светлое никуда от нас не денется. Только взглянем хоть одним глазком на реку и вернемся к озеру, которое также еще предстоит нам открыть для себя.

Когда в просветах соснового бора показалось озеро, отец махнул рукой.

– Ну, так прямо и дуйте. Не сворачивайте только с дороги, иначе нагуляетесь. А то, может, раздумаете? Переночуете здесь?

Но мы, одновременно мотнув головой с пацаньим еще упрямством, пошли прямо, словно хотели навидаться нового и надышаться лесным воздухом впрок. Ждали мы с Геннадием, да что там – с Генкой – со дня на день повестки в армию. (Так оно и вышло. Вскоре после встречи со Светлым разбросала нас с Генкой судьба в разные места и округа Советской еще тогда армии. Но это тоже будет потом).

Дорога все вилась по буграм, обходя низины и болота. Вскоре из леса словно вышли, а потом выстроились вдоль дороги братья-близнецы – телеграфные столбы с обвисшими проводами, верный признак близости жилья. А там и далекий лай собак послышался.

К реке мы вышли, когда день перевалил на вторую половину. Воды было неожиданно много. Под обрывистым берегом, на котором попросту жила себе деревенька Долгая Старица, стремительно неслись, закручивались и бурлили водовороты. Низина и прибрежный ивняк были затоплены большой водой. То ли весна запоздала, то ли слишком снежной выдалась прошедшая зима, и теперь лес, прогретый солнцем, отдавал талую воду.

Найти открытый сухой берег было непросто, и мы, вспоминая нехорошие слова, пробиваемся по мелкорослому чапыжнику, заваленному наносными бревнами и сучьями, протискиваемся сквозь грязные заросли тальника, на которых висят мотки сухой травы, накрученные течением. Совсем недавно здесь хозяйничала река. На наши потные лица исправно вешалась паутина и азартно липло мелкое комарье. Казалось, нет конца этому тоскливому пути, но тут мы словно прорвались в другой светлый мир. Взгляду открылась чистая песчаная коса. Выше, к лесу, тянулась большая луговина, зеленеющая молодой травой. Эта крепкая настойчивая трава пробивалась сквозь пожухлый прошлогодний чернобыл и крапивник. На луговине стройно и вольно стояли одинокие сосны. Лучше и не пожелать места, как для ночлега, так и для ловли закидушками. Взяли-взяли мы и эти уловистые по весне примитивные донки с грузилами чуть ли не в полкилограмма весом. Несли мы их скрытно, не показывая. Мол, только побудем у реки и – сразу обратно. А сами уже предвкушали звонкую с колокольчиком поклевку «белой» рыбины, ошалелой от свежей воды.

Настроенный на серьезную щучью охоту отец назвал бы это просто баловством – вот так метаться с разными снастями да по разным местам. Но нам, с нашим юношеским азартом, хотелось сразу всего и, по возможности, много.

– Живем что ли, Генка?! – вроде бы спрашиваю, готовя кулаки.

– Хлеб жуем! – усмехался тот, кося нахальным глазом.

И мы принялись садить друг друга под дых да в плечи, не зная, куда девать радость от встречи с новым и светлым миром, который невозможно уместить ни в словах, ни в фотогра-

фиях, ни в картинах, даже самых талантливых. Отдышавшись, идем резать тальниковые прутья для снастей.

Спустившись в овражек, густо заросший ивняком, выбираем в меру тонкие стройные хлысты, чтобы пружинили и в то же время были прочны. Почему-то попадались все неудачные: то хлипкие, то изогнуты. Лезем в самый чащобник и тут одновременно замираем. На сухой пролысине среди зарослей, в неубранном забытом стогу кто-то шевелился. Слышались голоса, тихий смех и какие-то неясные всхлипы. В нескромном любопытстве мы крадемся к стожку. И, наконец, становимся свидетелями одного из откровений обычной деревенской любви. Среди пьяных от весны берез, мокрых тальников и птичьего неумного хора слились воедино два обнаженных тела. Они, эти двое, не слышали ничего, что происходило вокруг, как токующие на излете брачной песни глухари. И бились эти два тела в такт извечной страсти, когда наслаждение близко соседствует со сладкой болью, и ничего уже не стыдно, и ничего уже не важно, кроме того, что свершается в этот миг. Была минута, когда нам, пристыженным, хоть и увлеченным, хотелось тихо уйти, чтобы не мешать тому откровенному и прекрасному, чему мы стали свидетелями. Но все испортили обыденные слова, сказанные деревенским Ромео своей сельской Джульетте. На ее страстный с придыханием вопрос: «Ты меня любишь?» тот, шлёпнув себя по голому задку, просто ответил: «Люблю, да вот только комары...».

Все было испорчено. Устали виолончели и скрипки, поперхнулся фагот на позорной «киксе». С уходящим наваждением я заметил в глазах моего проказливого приятеля нехороший знакомый блеск. А надо сказать, он умел довольно точно подражать дьявольскому гуканю филина с добавлением истерического хохота неясности, без которого не обходится ни один киноэпизод, в котором есть ночной лес. Особенно если действие происходит в глухую полночь, да чтоб на гнилом болоте, да чтоб с мертвяками в придачу.

И выдал тут Генка всю эту обойму с совершенным блеском. Долго потом трещал сухой валежник в кустах под быстрыми ногами влюбленных, одевающих на бегу. И долго потом мы катались по земле, утирая с глаз слезы удовлетворения. И некому было всыпать нам тогда, как думается теперь, по заднему месту.

Между тем солнце уже скатывалось за лес, и мы, нарезав-таки прутьев, вернулись на косу. Воткнув хлысты в песок, раскачиваем, закидываем тяжеленные свинцовые чушки, отлитые когда-то в силикатном кирпиче, в грубо выдолбленной форме. Вслед за грузилами летит, направляясь в воздухе, леска с поводками, где болтаются, словно шнурки, выползки толщиной с палец. Вешаем колокольчики-бубенцы и сидим у снастей, ожидая чуда, а попросту – обычной поклевки, которая может быть чудом только для умалишенных вроде нас. По крайней мере, так рассуждают городские домоседы, никогда не бравшие в руки удочку.

Чуда не происходило. Колокольчики лишь слегка побрякивали под неровным напором стремительных речных струй. Прождав впустую не меньше часа, идем с Генкой собирать дрова да сухую траву, чтобы постелить на непрогретую еще землю. С усталости переругиваемся беззлбно.

– Ну, где твоя уха? Ты, кажется, про какую-то уху пел? – это он ко мне.

Показываю ему на лягушачьи лупоглазые физиономии, торчащие из затхлой калужины. Они заинтересованно и, казалось, с завистью смотрели на спарившихся сородичей, облепивших все сухие кочки.

– Чем тебе не уха? Знай, лови, не отощашь. Здесь каждой твари по паре.

Смех смехом, но уши нам сегодня уже не отведать. Только подумалось, а тут, как в сказке, колокольчик забренчал тоненько. Бежим к воде сломя голову. Колокольчик уже не звенел, а надрывался, но причиной этому был... речной куличок, проглотивший червяка вместе с крючком брошенной на берегу поплавочной удочки. Несчастная птица металась на привязи до тех пор, пока не перехлестнулась с леской закидушки. Тут и забренчал колокольчик. Поймав куличка, держу теплое трепыхающееся тельце и пытаюсь осторожно вынуть крючок.

Но с натяжением лески птица забила еще сильнее, из ее клюва хлынула кровь. Помочь куличку было нельзя, и пришлось свернуть ему шею. Странное дело: когда ловишь в камышах утку-подранка, то испытываешь только горячий азарт, древнюю первобытную ярость охотника-добытчика. Казалось бы, отрубить голову курице ничуть не труднее, чем добить подранка, но когда берешь ее, беззащитную и теплую, с насеста, и под твоей ладонью бьется ее маленькое сердце, доверяющее тебе, тогда чувствуешь себя просто циничным Джеком-потрошителем. Без колебания ломаешь хребет пойманной щуке, чтобы не билась и не соскользнула с плота. Купив же аквариумную рыбку, потом разводишь слезливые сантименты над ней, умершей от какой-то хвори.

Все это давно уже оплакано в классической литературе, выведены аксиомы, что-то вроде: лишь в честном соревновании быстрого крыла, острого когтя, звериного чутья с метким глазом и сгустком горячей дробы возможен здоровый азарт. Это до банальности знакомо, но сейчас, держа в руках обвисшее маленькое тельце, снова и снова хочется послать кого-то к лешему или просто потерять некстати зачесавшийся глаз.

– Платочек не требуется? – пытается съехидничать Генка, но сам отворачивается и пинает злосчастную удочку.

Впрочем, угрызения совести не помешали нам сварить несчастного куличка вместе с вермишелевым концентратом. Туда же вывалили из литровой банки несколько хороших кусков тушенки, ибо ошипанный куличок оказался до смешного мал. Следует, однако, сказать, что суп получился наваристый и отдаленно пах дичью. Этот острый с горчинкой вкус дикой птицы не спутаешь ни с чем.

Сытые, мы лежим под звездным небом и шуримся на костер. Добела вываленный солнцем и ветром дубовый сушняк-плавник весело трещит и отстреливается шипящими угольками. После плотной и жирной еды хочется пить, но вставать лень.

– Ген, чайку бы, а? – говорю многозначительно.

– Да, неплохо бы, – поддакивает тот, сразу поглупев и не понимая намеков.

– Я картошку чистил, – замечаю более прозрачно. Генка встает и недовольно шлепает к воде с котелком. Оттуда слышится плеск воды, кряхтение, а потом тишину оскверняет громкое ворчание приятеля.

– Чего там? – лениво спрашиваю.

– Чего-чего. Котелок утонул. Попили чайку! Слышится плеск, а затем в воду обрушивается что-то очень тяжелое, и над рекой кто-то отчетливо и подробно перечисляет чьих-то родственников, присовокупив к ним почему-то пожилого таракана. Мне показалось странным последнее замечание насчет возраста вышеупомянутого насекомого, но я благоразумно промолчал, ожидая, что будет дальше.

Вскоре к костру приплелся совершенно мокрый Генка и принялся выливать из сапог воду.

– Так ты из реки попил? – осведомляюсь невинно.

И тут же увертываюсь от мокрого сапога.

Чай пришлось заваривать в маленьком солдатском котелке, еще зеленеющем заводской эмалью. Напившись душистого фито-отвара из смородиновых прутиков, чаги и сушеного зверобоя, мы, молча, смотрим на пламя костра. Нам не спится.

Ночь дышит горьковатой талой свежестью. Это холодное ее дыхание подбирается со спины. Лицо и колени изнывают от жара раскаленных углей и песка, нагретого под кострищем. С реки слышится журчание быстрых неровных струй. Журчание то стихает, то усиливается до бульканья, когда с подпором воды образуются крутящиеся воронки-водовороты. Изредка на плесе гулко хлещет хвостом какая-то крупная рыбина. Но это не щука. Скорее всего, язь или голавль шархнул в полусне от плывущего сучкастого бревна.

Тоскливо кричит ночная птица, смолкает, словно прислушиваясь к своему отзвуку на воде, и снова печально кликушествует в ночи. Луна выглянула из-за черного ельника в каком-то красноватом ореоле. Ее нездоровый неоновобледный свет, дающий резкие тени от одиноких сосен на поляне, унылый крик ночной птицы, монотонное бормотание речных струй наводят какую-то сладкую и бесконечную, как Вселенная, тоску, в которой скрыт давний страх слабого человека перед ночной темнотой, где бесшумно крадется невидимый зверь, враг, подступают болезни. Но Час Быка еще не наступил. Его время перед рассветом. Тогда и всхлипывают в последнем судорожном вздохе отходящие, мечутся в бреду раненые и тяжело больные.

Этот опасный и древний настрой ночи невольно передался нам.

– Генка, не спишь? – спрашиваю, чтобы стряхнуть наваждение.

– Не-е-т, – почему-то встревоженно отвечает приятель. – А что?

– Да так...

Мы, молча, лежим и вслушиваемся в ночные звуки. Наверное, не случайно тревожилось нам. Поблизости кто-то был. Обостренным слухом мы это ощущали все время, но хлопотами с чаем, рубкой дров, громкими разговорами словно бы гнали ЭТО и успокаивали себя одновременно, стыдясь признаться друг другу в обычном страхе. Сейчас, когда мы просто лежали и молчали, присутствие неведомой опасности явственно выдавали какие-то долгие вздохи, хруст сухой ветки, тихие шаги в черноте сырого леса.

Генка неожиданно вскочил и потянулся к топору.

– Ты чего?! – спрашиваю, привстав.

– Белое... Там белое! Оно идет к нам! – каким-то незнакомым металлическим голосом медленно произнес Генка. Его остекленевшие глаза в свете костра стали красными, словно у взбешенного сиамского кота.

Я почувствовал, как в животе что-то оторвалось и стало холодно. Особенный ужас у меня вдруг вызвали красные выкаченные глаза приятеля, его крючковатый нос, чужой голос и вставшие дыбом волосы. Генка медленно отступал к костру, и я, проследив за его взглядом, действительно увидел что-то белесое и бесформенное, надвигающееся на нас. И тут, раскалывая ночь, где-то совсем рядом страшно и протяжно завыл волк. Этот взлетающий к небу звериный вопль неизбывной тоски начинался с низких всхлипывающих звуков и переходил в тонкий вой.

Генка как-то странно подпрыгнул, и мне показалось, что он улетаёт. Я зачарованно смотрел на него и почему-то ждал, что за его спиной вот-вот откроются перепончатые кожаные крылья. Но Генка просто упал в костер, задымился и, залопотав что-то быстрое и неразборчивое, в один миг очутился на ближайшей сосне. Луна пристально глядела ему вслед.

Я уже устал от этого долгого ужаса и начал думать. Чего-чего, думать-то я умел и всегда гордился своим умением трезво оценивать обстановку.

– Гена, волки не могут сейчас выть. Просто не могут, не сезон, – подчеркнуто спокойно сказал я, обращаясь к приятелю, оседлавшему толстый сук.

– Чего ж ты тогда на дерево-то влез? – дрожащим голосом съязвил Генка.

Тут только я заметил, что сию на очень тонкой молодой сосне, которая раскачивалась от каждого моего движения, как маятник метронома. В наступившей нехорошей тишине вдруг раздался громкий взрыв смеха, послышались треск и топот чьих-то ног в прибрежных кустах. Вскоре на реке зашлепало весло и с удаляющейся лодки озорно засвистели, а затем в неподвижном воздухе вновь завис волчий вой, только теперь он больше походил на брехливую гнусь скучающей дворняги.

– Эти... Голозады, которые на стогу кувыркались! – убежденно проговорил с дерева Генка. – Отомстили...

Я полностью согласился с ним и начал сползать с сосны, пачкаясь в вязкой смоле-живице. Из леса медленно напелзал сырой белый туман.

Этой ночью мы поклялись с Генкой никогда больше не располагаться на ночлег вблизи селений.

В студеную сумрачную рань, когда, несмотря на озноб, спится особенно сладко, нас разбудил звон голосистого латунного колокольчика. Бежим к воде. Колокольчик раскачивается и трясется от резких ударов. Хватаюсь за леску и сильно подсекаю. Затем начинаю быстро выбирать снасть. На леске упруго и сильно ходит что-то крупное.

– Подсачек, Гена, скорей! Руками не взять! – кричу не своим голосом. Но Генка уже стоит рядом и, примериваясь, хищно шевелит тараканьими усами. У берега заплескалась брусковатая белая рыбина, рыскающая кругами на поводке. Генка кинулся в воду и одним махом, словно лопатой, выкинул ее на ободке подсачека куда-то за спину, подальше. Это был голавль. Красноперый, цвета темного серебра, он тяжело бился на траве, покрываясь капельками росы, а мы стояли и смотрели на него, желанного и красивого. Живая рыба всегда кажется крупнее, но то, что этот голавль никак не легче килограмма, было очевидно.

Налюбовавшись на сильную рыбину, сажаем ее в садок и перезакидываем снасти. Черви на крючках были, конечно же, обсосаны жадной придонной мелочью. Лишь на некоторых крючках висели побелевшие растопырившиеся ерши, заглотавшие насадку чуть ли не до хвоста. Колокольчики зазвенели почти сразу, и мы одновременно с Генкой вываживаем по крупному подъязку. Затем стали попадаться и увесистые плотвицы, иногда сразу на два крючка.

Начало было хорошее. И мы, повеселевшие, уже намеревались остаться здесь еще на одну ночь, а Светлое озеро уходило на второй план. Но, как часто бывает, первая удача оказалась и последней. Едва в туманной дымке проглянуло солнышко, колокольчики замолчали. Причем замолчали мертво. Словно в реке не осталось больше ни рыбешки, и мы выловили последних. Так было бы легче думать, но между тем на плесе время от времени раздавались глухие удары изрядного рыбьего хвоста, а рядом со стволами упавших деревьев, где вода ходила кругом, слышались всплески жирующей мелочи. Это было похоже на издевательство, и мы уходим искать затонувший котелок. Найдя его на отмели, где курица не замочила бы лап, завариваем настоящий цейлонский чай и долго пьем, отдуваясь и прислушиваясь к колокольчикам. Но над водой лишь «цвикали» на все лады утренние птахи, пели петухи в деревне, и надоедливо трещал стартер трактора. Еще раз уверившись в том, что у селений ночевать не годится, начинаем с Генкой укладывать рюкзаки.

Пока мы, полусонные, собирались кое-как, день разгорелся, и пришла почти летняя одуряющая жара. Обратный путь по сырому листовенному мелколесью, в тени которого еще кое-где лежал снег, был даже приятен. Комар-надоеда, видимо, осыпался от утреннего заморозка, и теперь не было слышно ни единого занудливого писка.

Проходя мимо затопленных низин, вспугиваем изредка некрупных щук, неподвижно стоящих у коряг. Их черные спины ничем не отличаются от плавающих палок, и лишь вскипевший бурун и дорожка-стрелка выдают присутствие вялой рыбины. Здесь щуки недавними инистыми зорями со всей рыбьей дремучей страстью терлись в траве, выпуская икру, тут же заливаемую молоками самца. Сейчас они просто отдыхали и грелись на солнышке.

Эти соединяющиеся с рекой мелкие прогреваемые водоемы были сейчас инкубаторами для мальков, резвящихся рядом с отдыхающими «папами» и «мамами», не приближаясь, впрочем, близко к их жадным родительским пастям. Попадались на пути и обычные лужи, в которых, на наш взгляд, кроме лягушек и их икры не могло быть ничего живого. Тем удивительнее было встретить у одной из таких луж двух деревенских хитроватых мужичков с драным бреднем. Поздоровавшись и обменявшись обычными: «Ну как?», «Да есть немного ...», мы стоим и с любопытством наблюдаем за развитием событий. Мужички, наконец, решились и принялись раздеваться, обнажая бледные тела.

Из ленивой перебранки по ходу дела мы узнали, как их зовут. Один из них, низкорослый морщинистый Михаил, надел на ноги старые кеды, плюнул на руки, подтянул выцветшие

трусы в горошек и неожиданным басом вдруг прогудел: «Ну, давай, что ли, заходи, Митря!». Его напарник – молодой парень в наколках – пренебрежительно выплюнул окуроч, полагая, видимо, так же, как и мы, что здесь кроме тритонов и насморка ничего не водится. Но покорно полез с Михаилом в воду, пахнущую отстоявшимся листом.

Они прошли раз, прошли другой. Рыбы не было, как и ожидалось нами, скептиками. Михаил озадаченно остановился, поскоблил пальцем мохнатый затылок и решительно принялся месить своими худыми жилистыми ногами дно лужи. Замутненная до черноты вода зашипела пузырьками. «Заходи!» – опять прикрикнул Михаил, и они, пыхтя, вновь зачиркали бредешком по илистому дну. Пройдя лужу до конца, ловцы подняли сетку, и в ней вдруг засветились медью почти круглые караси с ладошку. Со второго захода в бредень опять набились караси, причем встречались уже и белые, более узкие, прогонистые. А дальше было совсем необычно. Исхоженная вдоль и поперек мелкая лужа, в которой не должно было остаться ничего живого, вдруг забурлила, и на поверхности показались ошалелые от мути серебристые подъязки. Они перепрыгивали через сетку, но многие оставались и в бредне. В завершение этой удивительной рыбалки стали попадаться небольшие остроглазые щурята, отчаянно работающие жабрами. Казалось, у этой жалкой лужи есть второе потайное дно.

Наглядевшись на то, как люди ловят рыбу, мы идем дальше.

Расстояние до озера было хоть и небольшое, но на раскалённых солнцем буграх веяло жаром, словно в Сахаре. Если чуть свернуть с дороги, спрямляя путь, то под ногами хрустел побелевший и сухой мох.

Светлое озеро

Отец сидел на плоту у самого камыша и уныло дергал окунишек.

– Как успехи, пап?! – кричу с берега.

– Да вон мелочь пузатая теребит, а крупной нет.

– А щучка?

Отец только безнадежно машет рукой.

– Рано, похоже, мы приехали, ребята. Не берёт еще щука. У вас как?

– Да так же...

Мы безрадостно смотрим на озеро, и его красоты теряют для нас всю значимость. Пустое курортное пребывание даже в самых заповедных местах и ловля мелочишки – все это не свойственно охотнику. Должно быть главное занятие, цель, ради которой проходишь многие километры с тяжелым рюкзаком, роняя пот и отмахиваясь от стай комаров. А они в наших лесных болотистых местах люты до остервенения. Догоняют и бегущего, прокалывая одежду, облепляя потные лица, и бьют-бьют, колют саднящее тело бесконечно. Помнится, хватились мы однажды на Большом Мартыне своего приятеля. Рыболов он был так себе и поехал с нами больше за компанию. Мотался он без дела по берегу, смотрел скучно на то, как мы ловили окунишек, удивлялся нашей наивной радости, если попадался красноперый горбач среди колючей мелочи. Откровенно не понимал детского нашего восторга, когда снимали мы с жерлицы пятнистого щуренка и готовы были целовать его, скользкого и зубастого, за то, что он есть, за то, что подарил нам короткие азартные минуты вываживания, пусть несильного сопротивления.

Все был приятель-скептик, а потом исчез без следа. Пришлось нам срочно «смаываться» и искать его вначале окрест озера, а потом и совсем уезжать раньше условленного срока. Пропавший преспокойно сидел дома, а на наши упреки ответил только, что заел его до смерти комар. И добавил, что бежал до шоссе почти все восемь километров бегом, спасаясь от длинноносых. Больше на рыбалку он не ездил.

Но и только добыча рыбы любой ценой и в любых условиях вряд ли может быть тем самым главным делом, ради которого терпишь все рыбацкие невзгоды. Применительно к этому

вспоминается один эпизод. Как-то ранним свежим утром стояли мы с отцом на дороге и ждали автобус. Томительно это – стоять и ждать, когда всем своим существом ты уже там, у теплой большой воды, где плещет сильная рыба, падают с криком чайки на воду, выхватывая серебристую уклейку, где плывут белоснежные теплоходы и легкий бриз шелестит листвой на крутых волжских берегах. Лодки в этот раз у нас не было, и мы собрались ловить с плотов. Целые поля этих плотов, собираемые тупоносими буксирами, тянулись вдоль берегов залива, который до затопления был Ахмыловским озером. Под свежими бревнами всегда стояла крупная рыба, подхватывая тонущих короедов. Готовились мы к этой ловле, а вышло, что рядом с нами остановился проезжающий мимо старенький «Запорожец», и водитель-рыбачок неожиданно предложил составить ему компанию, пообещав серьезную сомовью рыбалку. Это было слишком заманчиво, и мы согласились.

Местом ловли был мост через реку Рутку. Когда-то он действительно был мостом и соединял берега этой небольшой лесной речки. Сейчас он, разрушенный наполовину, высился над неподвижной поверхностью водохранилища среди мертвого догнивающего леса. Говорят, мост этот, ставший ненужным, «участвовал» в съемках какого-то батального фильма и был взорван в процессе этой самой съемки. Мол, из самой Москвы приезжали к нам столичные ловкие киношники, чтобы заснять агонию старого моста.

На месте выяснилось, что ловить, собственно, будет наш водитель, поскольку лодку он нам дать отказался, даже только для того, чтобы мы могли завезти груз донки-«резинки», а сам, уплыв в гниющие коряги, начал протягивать многие метры хищных переметов с живцами-карасиками, привезенными с собой.

Так он баландался среди преющих коряг весь день, снимая со своих поставух снулую рыбу. Мы же, безрезультатно похлестав воду спиннингами, принялись дергать с берега мелкую красноперку и сорожку, проклиная попутчика-краснобая и свою наивность. Единственное, что нам было непонятно: какую такую корысть или интерес имел этот рыбачок, взяв нас с собой? Не лучше ли было ему одному, без постороннего глаза, заниматься своим добычливым промыслом в этих пустынных сейчас местах?

Все стало понятно к вечеру, когда на воду легли сумерки и черные сучкастые деревья, отражаясь в ней, стали похожи на зловещих монстров. Кругом роились комары, и хрипло каркало воронье. Нам до смерти надоело это унылое место и пустая рыбалка. Мы собрались и пошли в сторону высокого соснового берега. Наш попутчик принялся усиленно отговаривать нас. Его интерес стал теперь очевиден. Ему просто было страшно ночевать здесь одному, а уезжать от снастей он также опасался.

Мы пошли прочь, не в силах избавиться от неприятного гадливого впечатления. Вскоре мимо пронесся, не остановившись, знакомый уже «Запорожец», явно поспешая к тем же чистым буграм.

Но вернемся к озеру. Светлое достойно своего названия.

В солнечный день его вода на песчаных отмелях кажется голубой. Она прозрачна и не имеет торфяного отстоя. По всей видимости, это озеро когда-то соединялось с рекой, с ее древним руслом. Оно уступает в площади Большому Мартыну, но его соседа больше. За береговыми мелководьями, заросшими камышом и кувшинками, синее настоящая серьезная глубина, где, кроме шук и окуней, говорят, водится крупная озерная сорога. Каждая чешуйка такой сороги с монету будет. В светлые воды озера глядит сосновый бор, в котором стыдливо белеют телами юные березки, клонится к воде ольшаник. Под его свисающими ветвями время от времени булькает окунь, хватая первых сонных мух. Где-то раскатывается брачной своей барабанной песней дятел, совмещая сразу два дела – вышелушивая из сосны личинку короеда и громко призывая пугливую самочку, прячущуюся в листве. Но может быть, не столь расчетлив этот барабанщик? И дробные его трели посвящены лишь одной любви?

Берега озера большей частью невысоки. Лишь местами к воде спускается чистый сосновый бугор. Но одна сторона озера имеет сухую широкую поляну, где стоит сейчас какое-то дощатое строение. По словам отца, был здесь в давние годы пионерский лагерь. Это неприятно нам. Сразу исчезло ощущение первопричастности к этой тихой воде и пустынной глухомани вокруг. Выходит, дикую красоту этого озера когда-то насильно окультуривали планировкой пионерских казарм, рвали тишину бессмысленными звуками горна? А в прозрачной воде запросто плескалась загорелая ребятня? И было нетрудно добраться сюда рядовому автобусу, чтобы завезти смену и забрать пустые фляги из-под молока? Исчезла таежная сказка-тайна. Но ненадолго.

Успокаиваешь себя тем, что все в этой жизни временно и непрочно. Под слоем лет спят великие цивилизации и на их пепелищах прорастают другие, которые, возможно, так же исчезнут и все повторится. Это сравнение слишком, наверное, высокопарно. Здесь же о былой суетливой жизни напоминает лишь выбеленный ветрами сарай. А над озером так же первозданно кружит старый ворон, раскинув черные крылья. «Крон-крон», – роняет он печально с высоты, и голос его естественно вплетается в вековечный гул соснового бора. И дни озера идут так же размеренно: в сонной оторопи да шелесте камыша.

Вечером мы с Генкой мастерим жерлицы. Для этого находим сухую ветвистую березу и режем рогатки-рогульки из ее развилок. Наматываем на каждую рогульку леску восьмеркой, зажимаем зубами пластины свинца для огрузки, привязываем застёжки с поводками и остро заточенными двойниками.

У отца рогулины выпилены из винипласта. Они более гладкие, обработанные мелкой шкуркой. Это не мешает щуке разматывать леску в то время, когда она, схватив живца, уходит с ним в траву. Здесь она, развернув придавленную рыбешку головой вперед, обычно заглатывает ее и прочно засекается. С отцовских «финских» крючков не сойти ни одной щуке. Разве что, вывернув свои внутренности. Бывает и так. Однажды на наших глазах крупная ямная щука вымахнула из воды в высокой «свечке» и, рванувшись на леске, за счет своего веса сама себя и выпотрошила, оставив на крючке желудок и печень (да не убоится читатель сих жестоких подробностей). А мы стояли с отцом на плоту и беспомощно наблюдали за тем, как золотистая мощная рыбина уходила на дно, сонно шевеля плавниками. Ее было хорошо видно в прозрачной воде. Щука стояла на мелководе среди кувшинок и, казалось, просто отдыхала в теплой воде, подставляя пятнистые бока солнечным лучам. Сильными движениями жаберных крышек она вздымала облачка мути и, похоже, не собиралась умирать.

Мы подплыли ближе. Щука оказалась под самым плотом. Отец разделся и, по-пиратски зажав нож в зубах, нырнул под осклизлые бревна старого плота-«салки». Я, семилетний мальчишка, со страхом наблюдал за этой необычной подводной охотой. Вот отец протянул руку к неподвижной громадной рыбине. И тут – удар! Где вялость и апатия смертельно раненой щуки?! Словно пружина, она развернулась и, отбросив отца, неуклонно пошла в глубину. Здесь-то и пригодился нож. В отчаянном броске отец настиг беглянку и пригвоздил ее ко дну, а затем быстро вынырнул. Ему не хватило воздуха. Со второго захода он все же взял щуку. И весила она, как потом выяснилось, ровно десять килограммов, хотя там, в воде, казалась на вид не меньше пуда. А о «финских» крючках можно сказать, что они довольно примитивны. Это просто остро заточенные усики из пружинной проволоки, даже без засечек на жалах. Отогнутые в виде двойника, они легко проглатываются щукой вместе с живцом, но при обратном движении становятся враспор.

У нас с Генкой жерлицы оснащены обычными двойниками. Впрочем, и не было особой необходимости мастерить наскоро наши рогатки-рогульки. Жерлиц хватило бы на всех. Но почему-то хочется поймать именно «свою» рыбу, выбрав снасть и место, как приглянется душе, чтобы имелись азарт и интерес: кто, мол, кого?

Но и наши новенькие снасти, наживленные бойкими окунишками, столь же уныло провисели на шестах до самой темноты. Щука не брала.

Уху мы варим из мелких окунишек. Но их много и они удивительно вкусны в наваре. Выложенные на клеенку, они на вечерней прохладе быстро остыли и покрылись золотистой нежной пленочкой желе. Мы, лежа у потрескивающего костра, весело шелушим эту колючую рыбешку, облизываем самое вкусное, деликатесное. Далеко, ох далеко ресторанной заливной стерляди до нашего несложного блюда, приправленного сосновым и моховым духом. Скучно выковыривать одинокий кусочек упомянутой стерляди из резинового казенного желе да из-под веток петрушки. Здесь же все попросту, но вкусно невероятно.

На огонек и, подозреваю, на запах ухи вышли к нам двое городских рыболовов и попросились на ночлег.

– Костра что ли жалко? Ночуйте, да вон уха стынет, налегайте. – Пригласил отец, закуривая папиросу. А потом семечки пощелкаете, – он указал на груды вареных окунишек.

Рыбачки, поблагодарив, откупили «беленькую» и с устатку опорожнили ее в компании с отцом. А потом взялись за ложки, а вслед за «семечки». И только шелуха полетела!..

Ночью я проснулся от разговора. Рыбаки пили водку и, уже разомлевшие, блестя глазами и, доверительно касаясь друг друга, о чем-то спорили. Кажется, о женщинах. Заметив, что я проснулся, один из них вроде бы смутился: – Вот, балбесы, парню спать не дали! Но тут же забыв обо мне, обратился к другу:

– Вот скажи, какая сейчас любовь? Где ты ее видел? Да я из армии пришел с полным чемоданом Наташкиных писем, а она?! Деньги им надо, а не любовь!

Его товарищ, пригладив волосы, помолчал и негромко заговорил:

– Не знаю... Всякое случается с любовью этой. Помнишь, с тобой в Елошкино ездили? Бывал я потом в тех краях каждый год. Больно уж места привольные. Глухомань, можно сказать.

А рыбачил я на Линевом озерце. Неделю прикармливал рыбу червями, рубленными и замешанными в глину. Так неделю и ждал, не совался с удочками на прикормленное место, чтобы не спугнуть линя. Пускай привыкнет приходить к «столу». Только я начал ловлю, как раз с понедельничка, как повадилась к моей сидке ходить хозяйская девчонка, внучка пастуха Семена, у которого я ночевал на сеновале. Купаться ей тут понравилось!

Отсижу зарю, вытащу двух-трех линей, а она уже рядом вертится. Прямо в платье – бултых в воду! От волн только кувшинки качаются. «Дура! – кричу. – Тебе места мало, что ли, купаться?!» – А она в ответ только улыбается и по-собачьи плещется в пяти метрах от удочек. – «Ведь утоплю, курица!» – кричу – и к ней. А она, так же по-собачьи – от меня, а потом в ивняк шмыгнет, и ищи ее... Да пропади ты! Хотя, по правде сказать, как солнце поднимется, клева можно уже не ждать. С жарой линь куда-то в тень прятался. Только на заре да в пасмурную погоду и ловил я. Но все равно зло меня брало. Не принимал я ее всерьез. Девчонка и девчонка деревенская!

Однажды в самый полдень она пришла. Я уже выкупался, лежу на луговинке, загораю. Полезла в воду и девчонка. Я не знаю, почему она в платье полоскалась. Может быть, купальника не было. Но когда она из воды вышла, мне и то стыдно стало: она же голая! Ну, совсем... Все дневным солнцем высветило сквозь мокрое платье. Смотрю на нее, она – на меня, не стесняется. Мне бы отвернуться, но не могу. Волосы у ней мокрые, губы полураскрытые, розовые. Смеется глазами, бесстыжая! Лет девчонке не больше семнадцати, а тело у ней созревшее, ждущее ласки. Знаешь ведь, как бывает: у одной все есть – и грудь, и, извиняюсь, задница, а чего-то не так... Крупно все, просто. А у этой, словно у голливудской кошечки, все выверено. «Уйди, – думаю. – Не доводи до крайности, малолетка!». Она, словно поняла, ушла, но все оглядывалась. Идет по лугу, вышагивает среди полуденной духоты и стрекота кузнечиков.

Смотрит через плечо лукаво. И откуда у ней, деревенской, только кокетство бралось? Наверное, фильмов про любовь насмотрелась в клубе, а может, женская природа подсказала?

Как-то вечером выпили мы немного с соседским Андрюхой. Возвращаюсь к себе на сеновал, а она стоит на дороге. Задел я ее, и вдруг само собой получилось: дыхание ее услышал, прикосновение волос ощутил – прижал девчонку к себе! Молчит она, только смотрит. Потом сама ко мне припала и шепчет: «Уйдем отсюда, унеси меня!». Я, как болван, и понес ее на сеновал. Помню запах сухой ромашки, губы девчонки, тело ее жаркое, открытое...

Она потом ушла. Ее мать долго во дворе звала. А я лежал, смотрел на звезды и кого-то жалел. То ли себя, оттого, что никогда еще не было со мной вот так и, наверное, больше не будет.

А может быть, девчонку: здесь в глуши, в деревне, кроме придурковатого завклуба, двух-трех парней-матерщинников и запечных сосунков не видывала она никого. Принцы где-то там на «Жигулях» катаются, а ей быть принцессой в коровнике, а потом пьяному мужу-трактористу портянки снимать да детей плодить. И так до скончания века.

Утром я уезжал. Встретились мы с девчонкой случайно, а может быть, и нет... Я уже уходил, рассчитался с хозяевами, а она попала мне у калитки. «Ну, до свидания, красавица, – говорю вроде бы шутя. – Так мы с тобой и не познакомились». Она стоит и ждет чего-то. У меня, по испорченности что ли, мыслишка гадостная зашевелилась: «А-а, все вы одинаковы, оказывается. И тебе расчет требуется за удовольствие!». Вынимаю из кармана смятые червонцы, сую ей деньги да линия здорового впридачу достал из корзины. Она взяла, посмотрела прямо в глаза, да ка-а-к вlepит скользким рыбьим бочищем мне по щеке, так что в голове зазвенело, и пошла в дом, бросив деньги и рыбу в пыль.

Так до сих пор и звенит у меня в ушах от той пощечины, вспоминается, – закончил рассказчик.

– Слушай... – его приятель, словно осененный какой-то мыслью, хохотнул. – Да у тебя ведь жена деревенская!

– Деревенская-деревенская... Спать надо! – перебил его товарищ. И деланно усердно засопел в поднятый цигейковый воротник.

Я подбросил в костер несколько сосновых отколышей и тоже улегся, думая над услышанным. Но сон навалился мягко и незаметно.

Встаем с Генкой рано. Отец и пришлые рыбаки еще спят. Не будим их и, ежась от студеного утренника, идем к озеру.

В тихой воде застыли, словно впаянные, хрупкие камыши с неподвижными листочками-стрелками. Они резко очерчены на зеркале озера, в котором уже лежит свет разгорающейся зари. Так же резко и контурно обрисованы ольховые ветви, склонившиеся к воде, мохнатые лапы сосен. Лес еще темен и угрюм, словно невыспавшийся человек. Лишь одинокая сосна, подмытая прибойной волной и покосившаяся в сторону озера, находится на изломе дня и ночи. Одна половина ее светится теплой охрой, другая еще в тени сумрачного сосняка.

С сырых инистых клюквенников крадется низинами туман. Он лениво выползает на озеро, стелется, вьется клубами и вдруг вспыхивает танцующими розовыми протуберанцами-всполохами. Одновременно на старой ольхе, потерявшей свою вершину, загорается радужно крепкая паутина крестовика. На ней дрожат капли росы.

Налетел первый ветерок и сразу все испортил: наклонил, смешал бестолково стройные камышинки, сморщил водное зеркало и разбудил мохнатого паука-крестовика, задев его роскошную паутину цвета радуги. И в ответ на проказы шаловливого утреннего ветерка отозвался глухо старый бор. Так начался день.

Мы стоим с Генкой у плота, на котором лежат наши простые сосновые удилища, слушаем утро и смотрим на озеро. Оно так же безжизненно, как и вчера: нет ни всплесков, ни кругов жирующей мелочи. Но что это?.. Послышалось? Нет, где-то хлестко и сильно ударила крупная

рыба. Вот еще раз... И снова тишина. Потом в прибрежном камыше послышалась какая-то возня, прыснула поверху мелкая рыбешка и снова – тяжелый удар, а затем над молодыми лопухами кувшинки взвилась полукольцом небольшая щука, показав на мгновение алые жабры, и рухнула в воду.

– Видел? – толкаю Генку в плечо.

– Не слепой, – отвечает Генка и кидается к плоту.

– Подожди меня! – кричу вслед и возвращаюсь к нашей стоянке. Собираю одноручный спиннинг и лихорадочно ворошу блесны в пластмассовой коробке. Потом хватаю всю коробку и бегу к воде, спотыкаясь о жилистые корневища, лежащие поверх тропинки. Мы отталкиваемся от берега осклизлым шестом и плывем вдоль полосы кувшинок. Примерившись, посылаю белую колеблющуюся блесенку-самоделку в сторону синеющей ямы. Блесна падает с коротким сочным «бульком» и после паузы возвращается с ямы вдоль лопушника, повинувшись коротким подергиваниям удилица и подмотке катушки. Впустую. Еще заброс...

«Исхлестав» этот участок, плывем дальше. Цепляю вместо белой обманки испытанную юркую «Сенеж» с ободранным заводским покрытием, под которым золотится отшлифованная латунь. После нескольких забросов вдоль той же полосы кувшинок блесну останавливает мягкий толчок, и тут же леска идет в сторону. Генка стоит с подсачеком наготове и всматривается в глубину. Успеваю взглянуть на него и попутно удивиться в который уже раз, как это ловко у него получается шевелить усами. Но тут следует рывок, от которого пальцы срываются с ручки катушки, и та сбрасывает часть лески. Отбивая пальцы, ловлю ручку и снова подвожу рыбину к плоту. Метрах в десяти от нас из воды вдруг взматывается короткая пятнистая щука-пружина. На излете она судорожно открывает пасть и трясет головой, пытаясь выбить блесну, которая блестит у нее в самом уголке верхней челюсти. С плеском щука падает обратно, и леска немощной линией стелется по воде.

Сошла?! Выбираю слабину. Нет... Вот у плота загуляла, зарыскала сильная рыбина, блестя на утреннем солнце крепкой золотистой чешуей. Поднимаю ее на поверхность, и Генка рывком запеленывает щуку в широкий самодельный подсачек.

– Ну чего, Геша?! Первая, что ли?! Трам-та-ра-рам!.. – кричу чего-то Генке. Он сдержанно хмурится, но тут же расплывается в усатой своей хорошей улыбке и, наклонясь, трогает щуку. Потом отбирает у меня спиннинг и коротко поясняет:

– Поиграл и хватит. Моя очередь.

Великодушно отдаю ему снасть. Спиннинг мой, но я понимаю приятеля.

Генка долго прицеливается и, наконец, удачно ловит лежащий на плоту прорезиненный плащ...

– Положили тут, – ворчит Генка. И размахивается вновь. Блесна просвистела у моего уха и вдруг полетела на берег, где прочно засела в развилке высокой березы. Сдерживая смех, я направляю тяжелый плот к берегу, где Генка долго и виновато снимает блесну со злополучной березы.

И вновь мы плывем вдоль берегового мелководья. Генка дуется. Потом протягивает мне спиннинг:

– На, лови. Надо будет на берегу потренироваться.

– Давай-давай, тренируйся здесь. Получится.

Наспех показываю ему, как забрасывать снасть, как подтормаживать катушку, и Генка снова делает заброс. На всякий случай сажусь на плоту и накрываю голову курткой. Раз! Свистнула леска. Бросил... Выглядываю из-под куртки и вижу падающую метрах в пятнадцати блесну. «Близко и в самые камыши», – машинально отмечаю про себя, но тут происходит нечто удивительное: в предполагаемом месте падения блесны вдруг вскипает бурун, из воды показывается жадная «крокодилья» пасть, влет ловит обманку и захлопывается вместе с ней. Генка

судорожно дергает спиннингом и крутит катушку. Точнее, пытается крутить, но леска не подается ни на сантиметр, а лишь режет воду в разных направлениях.

Хочу отобрать у Генки спиннинг, мол, новичок, упустит, но он отталкивает меня и кричит неожиданно высоким голосом: «Сам-сам!..».

Щука старательно исполняла свои коронные «свечки». Она выпрыгивала из воды, «плясала» на бешено полощущем хвосте, трясла своей страшной головой, хлопала пастью, как голодная овчарка, но Генка, закостенев, держался стойко и даже делал попытки подматывать леску. Наконец ему удалось стронуть щуку с места, и это чудище, зацепленное жалкой блесенкой-безделушкой, начинает приближаться к нам, поднимая тучи песка на камышовой отмели. И вот толстенная спина метровой щуки чернеет под плотом. Я подвожу подсачек к утомленной рыбине, но тут Генка прямо в одежде бросается на щуку и схватывается с ней врукопашную. Во все стороны летят брызги, обломки камыша и крепкие выражения. На этой смехотворной мели происходило настоящее побоище.

Когда все кончилось, Генка, не вылезая на плот, просто поволок побежденную щуку к берегу по пояс в воде. Вскоре из густого ольшаника донесли его ликующие крики. Я подплыл к берегу и, найдя Генку, ужаснулся. Он был страшен: стоя над тяжело дышащей щукой, приятель свирепо вращал глазами, вздымал над ней руки со скрюченными пальцами и хрипел чего-то на незнакомом наречии. «Царги-царги», – слышалось мне... А щука действительно была отменно хороша.

– Тебе везет, генацвале, – небрежно замечаю я, мучаясь черной завистью. – Правда, бывают и покрупнее.

– Покрупнее?! – Генка бросается на меня с кулаками.

Нет, хоть это и звучит трижды банально, но новичкам удивительно везет в первый раз.

Про жерлицы мы даже и не вспомнили. Генке приспичило плыть к костру. По его словам, только для того, чтобы подсушиться, хотя было уже жарко, как на озере Чад. Я-то знал, что ему было нужно, но молчал, как рыба.

У костра над щукой долго охали и ахали проснувшиеся приятели-рыбачки. Генка торжествовал. А отец, взглянув на Генкину добычу и одобрительно потрепав его по вздыбленной голове, заторопился к плоту – проверять жерлицы.

Вскоре он вернулся с такими «крокодилами», что ахать пришлось уже Генке.

Пасхальный кулич

За эти дни мы изрядно отошдали. Продукты у нас кончились уже в первый день щучьего жора. И в остальное время мы питались только щукой во всех видах: вареной, печеной, солевой, тушеной на воде, поскольку жиров у нас не было. А уезжать, когда только-только началась настоящая рыбалка, просто не было сил. Наконец пришел момент, когда не было уже сил проглотить хоть еще один кусочек все той же щуки, а обычный ломтик хлеба, да что там ломтик – заплесневелый сухарик стал казаться пределом счастья, далекой и высокой мечтой. И мы, сказав спасибо этому Дому, тронулись в обратный путь.

Идем молча. Говорить не хочется, а если и перекинемся парой слов, то все почему-то странным образом сводится к еде.

Под ногами зыбко колышется горячий дорожный песок.

Не первый раз мне приходит в голову мысль, что не будь здесь сосновых лесов, клюквенных болот, мшаников и папоротников, желтели бы под солнцем сыпучие барханы и грозовые ветра стали бы просто песчаными бурями. Глазу уже видятся, вместо мерно шумящих боров, нескончаемые цепи этих самых барханов с редкими кустиками верблюжьей колючки, где шныряют гюрзы и вараны. Уже слышится заунывное треньканье рубоба, ослиный рев, тонкий крик

муэдзина на белоснежном минарете, довольный смех редкобородых аксакалов, поедающих под зеленый чай молодого барашка, исходящего жирным соком... Тьфу!

От тяжелых мыслей меня отвлекает аппетитное хрумканье приятеля. Подозрительно вглядываюсь. Генка старательно жуёт чего-то съедобное. Затем лезет в карман и достает зеленую сосульку, которую тут же запихивает в рот. Узнаю в этой сосульке молодую ветку-почку, которыми проросли все придорожные сосенки. Срываю с ближайшей и пробую на вкус. Первое впечатление, что жуешь бутерброд из моркови с куском сосновой смолы. Но ничего, есть можно. Глядя на нас, захрустел сосульками и отец, потом заплелся в досаде и закурил.

Километры обратного пути стали исконными российскими верстами: немерено-бесконечными, пыльными и горячими.

В голову опять назойливо лезут мысли-пакостницы. Чего, мол, тебя понесло сюда?! И охота тебе, олуху, месить песок с двухпудовым рюкзаком за плечами, когда живот подводит, как у хромого волка? Как будто поближе нет мест, где и рыбку можно половить и отдохнуть цивилизованно.

Знаю-знаю, что мысли эти паскудные и слабодушные отойдут, едва прогреешься в ванне до костей, поешь спокойно без комаров и всласть отоспишься, а через день опять тебя, неумемного, потянет бродяжничать по болотам и лешачьим буеракам. Все это так, теоретически, но пока лезут эти мысли, и нет от них покоя. Внутри словно вопиет: котлетку бы сейчас со сковороды, можно и холодную. И чего-нибудь сладенького, лучше бы шоколадную конфетину.

Генку тоже, видимо, одолевают подобные мысли. Идет, вздыхает. И усы его обвисли, словно у вареного рака. Отец только кряхтит под сырым от рыбы рюкзаком и дымит «беломоринами», как колесный пароход. Так мы промаялись до самого Малого Мартына. Вышли к озеру и улеглись бессильно на бугре. Здесь уже расположилась веселая компания рыболовов.

О рыбалке они, похоже, и не вспоминали, а большей частью смеялись, как дети, громко чокались и дружно закусывали.

Глядя на них, отец спустился к озеру и принес в котелке воды, пахнувшей карасями и лягушками. Затем он с загадочным видом полез в мешок. Мы заинтересованно следили за ним, надеясь наивно на какое-то совершенно невероятное чудо. Но из мешка была извлечена все та же, набившая оскомину ненавистная соленая щука. Отец с треском разодрал ее по желто-розовым волокнам и принялся увлеченно жевать, запивая озерной водичкой. Мы с отвращением наблюдали. Затем не выдержали и взяли по куску.

– В жизни больше не возьму в рот эту гадость! – злобно шипел Генка, давясь сухими волокнами...

– Клянусь твоей бородой, – поддакивал я.

Скорбную нашу трапезу прервал раскрасневшийся рыбачок-здоровяк из соседней компании.

– Приятного аппетита, ребята! – весело раскланялся он.

Мы мрачно поблагодарили.

– Я извиняюсь за вторжение, но вот вижу, вы рыбку давите, а мы только с колес, еще не обрыбились. Гуляем, мужики! – он ошеломленно закрутил головой, словно удивляясь тому, как они лихо гуляют, и продолжал, все больше наливаясь веселой жаркой аlostью.

– Так я о чем, слышь, ребята... Давай на обмен: вы нам – маканца под пиво, а мы вам – по сто пятьдесят и яичко!

Здоровяк расхохотался, довольный своей ловкостью и остроумием.

– А хлебца у вас не будет лишнего? – осторожно поинтересовался Генка.

– О чем разговор, парни? Сейчас организуем.

Мы с радостью отдали веселому рыбачку половину разодранной щуки и еще одну целую, вынутую из рюкзака.

От «ста пятидесяти» мы с Генкой отказались.

Вскоре нам принесли стакан водки для отца, полбуханки ржаного хлеба, несколько крутых яиц, выкрашенных луковой шелухой, пучок зеленого лука, и вершиной всего, свершившейся мечтой был настоящий пасхальный кулич.

– Черствоват он немножко, ребята, – извинялся сосед. – Пасху-то давно уже отгуляли.

Мы же не верили своему случайному счастью и на радостях отдарились еще и свежими окунями на уху.

Это был не пир, это было выше и не имело названия. Многие простые вещи начинаешь понимать лишь тогда, когда лишен их. Чтобы понять вкус воды, надо оказаться в пустыне у пересохшего колодца, в трех днях ходьбы до ближайшего оазиса. Чтобы понять вкус хлеба и сдобного кулича, протыканного глазками-изюминами, нам хватило трех дней рыбной диеты. Никогда, нет, никогда, наверное, не испытать мне большего восторга чревоугодия, чем сейчас, и не могло быть ничего вкуснее этого черствого кулича, запиваемого простой озерной водой.

Потом мы лежали на теплой хвое и глядели в небо, где на раскинутых крыльях кружил одинокий ястреб-тетеревятник. Он умело находил струйные восходящие потоки, опирался на них и, вздрагивая крыльями, скользил с одного на другой, свободно и горделиво. Но мы не завидовали ему. Что нам небо с его припухлыми глупыми облаками и чванливой птицей? В такие минуты с удивлением убеждаешься, как же иногда мало надо человеку для полного счастья, пусть короткого.

О нашем путешествии к Светлому не думалось. Воспоминания придут потом, когда всплывут яркие моменты, мелкие, незначительные сейчас детали, запахи и звуки. И сладкая тоска вновь заденет сердце, позовет сильно туда, где тают багряные в золоте закаты и луна холодно глядит в черную воду.

Крещение

1

Автобус вынырнул из темноты и остановился у деревянной избы-станции. Это был последний рейс, и немногочисленные пассажиры, спешащие к ледовой переправе через Волгу, с недоумением смотрели на меня, одиночку, свернувшего вдруг с хоженного пути куда-то в ночь. «В землянку ночевать?», – крикнул вслед разговорчивый мужичок-с-ноготок, по волжски растягивающий слова и развлекавший пассажиров почти весь двухчасовой путь не совсем приличными анекдотами. Откровенно смущалась и негодовала лишь девушка студентка в очках, ехавшая домой на выходные дни в Козьмодемьянск. Она брезгливо фыркала из мохнатой искусственной шубы и глядела в окно, за которым лишь была непроглядная снежная завесь. Женщины постарше азартно переглядывались и, блестя глазами, подбадривали этого невзрачного мужичонку, на удивление много знавшего анекдотов и умеющего их рассказывать. И тот, распаясь от жаркого нескромного их внимания, старался вовсю. Уютная темнота «пазика» располагала к этому.

– Так куда спешишь-то? На острова? – повторяет попутчик.

Можно было не отвечать на праздный его вопрос, но уж больно он был забавен, по-доброму и неназойливо общителен в автобусе, и я оборачиваюсь к мужичку.

– Нет, на льду переночую. Вон у дуба.

– Землянку не выдаешь, значит? – понимающе и хитро кивает тот. – Так мне она ни к чему, только Волгу перейти, чтобы переночевать... Ну, ладно, скрытный, ни хвоста тебе, ни чешуи!

Не верит... А я действительно, без обмана, спешу к чернеющему километрах в шести затопленному лесу, застывшему сейчас во льду. Ориентиром мне служит высокий дуб, одиноко возвышавшийся посреди Волги над редкими кронами сухих лип, дубков и кленов. Снегопад кончился, заметно подморозило, прояснило, и дуб теперь виден в отблеске огней ночного Козьмодемьянска. (От этого леса, подгнившего на корню, в скором времени не останется и следа, как и от деревянной автостанции, сгоревшей то ли по неосторожности истопника, то ли пострадавшей от набега лихих людей. В редкие безветренные дни здесь слышен тихий голос колокола из церквушки, оставшейся теперь в одиночестве на волжском берегу-утесе. Шелест снежной крупы и крики ворон на старом кладбище под церковью не перебивают слабый голос колокола, а звучат естественно и дополняют друг друга. Но чаще эти негромкие звуки уступают яростному напору штормовых ветров).

В церкви служат и пускают на ночлег странников, а изредка, хотя и неохотно – рыболовов, обычно шумных и не очень благочестивых. Довелось и мне однажды ночевать в этой церквушке. К моему удивлению ночью в храме кто-то заиграл на органе. Это был электронный инструмент с сочным тембром (уж не «Ямаха» ли?). Необычно было услышать здесь звуки современных клавишных, гремевших на рок-концертах, имеющих в диапазоне жесткие тяжелые регистры. Но вспоминаешь, как еще в семидесятые годы среди гудения «глушилок» и поиска в эфире «Голоса Америки», «Свободы», «Свободной Европы», «Би-Би-Си», «Немецкой волны» я вдруг нередко натыкался на псалмы и гимны из Ватикана в довольно легком эстрадном исполнении.

В пустой церкви звучал орган, и кто-то тихо пел под его аккомпанемент. Возможно, это просто читалась партитура, и разучивались голоса духовных песнопений.

2

Иду уже с полчаса, но прошел всего ничего. Дуб, кажется, только удаляется. Это обман зрения, но и шаг мой действительно не размашист. Вначале нога в валенке и «химчулке» пробивает корку наста, затем плюхается в снеговую кашу с водой и, наконец, стучит об лед. И так – раз за разом. Вскоре, несмотря на мороз, из-под шапки струится пот и разъедает глаза.

Справа – перемигивающиеся далекие огоньки на черном массиве горного берега. «Кузьма» еще не спит, но звуки города мне не слышны: только ветер ровно гудит в ушах, да шуршит ледяная крошка под ногами. Слева проглядывается низкий луговой берег с проплешинами мелколесья на снегу и одинокими тополями. Дальше уже зубчато темнеет ельник. За лесом разлилось неяркое зарево – отсвет жилья. Это Озерки. Оглядываюсь назад и вижу одинокий огонек. Почему-то сжимается сердце, может быть, из-за незащитности этого огонька среди ночи. И видится уже ломаный оскал торосов-валунов под скатом берега, черный лес над разохшимися крестами, в которых нехорошо подскуливает ледяной ветер, крутится позёмка на пустынном большаке да забивает снегом слепой проем заброшенного сарая. И среди всей этой нежити – беленая церквушка... Загляни – там для кого-то душа и вечность. А нет – так просто пахнет горячими шами и хлебом. «...осподи Иисусе», – вздохнет кто-то и дремотно потянется ночь, вздрагивая от стука ветра в оконца, треска свечей и чьего-то торопливого сонного испуга.

Я отмахиваюсь от наваждения, справляюсь с зевотой, от которой сводит скулы, и больше не оглядываюсь – иду вперед. Ночной мой путь не однообразен, как обычно бывает при свете дня. Есть в ночи какое-то волшебство. Приключения начинаются с непонятого нарастающего звука под ногами, может быть, из преисподней... Одновременно с этим потусторонним гулом-уханьем ровное ледяное плато, тускло освещенное заревом, вспарывает трещина. Она зигзагами бежит куда-то в темноту и оставляет после себя вздыбленные разломы торосов. Я теряю контроль и с ужасом чувствую, что меня поднимает какая-то слепая титаническая силища, и сердце замирает, как при падении в воздушную «яму». Но... все кончается в этот же миг. Мне и раньше нередко встречались гряды торосов, но когда и как они образуются?.. Теперь, выходит, довелось и увидеть. Получается, что время их рождения – ночь, когда регулируемое теперь волжское течение останавливается. Видимо, так. Выше плотины скопившаяся вода подпирает, выдавливает лед, а ниже – под ним образуются пустоты, куда и заваливаются пласты ледового монолита. Это конечно только предположения. Впрочем, что-то подобное я уже наблюдал когда-то на весенней ловле в Кокшайске. Там торосы были похожи скорее на айсберги, высотой метров до трех. Они наращивались всю зиму выплесками воды из трещин при падении и подъеме уровня Волги. Стены этих айсбергов тянулись вдоль высокого правого берега, где обычно немеряно собиралось любителей ловли сопы, леща, язя и налима.

На моих глазах подмытый сверкающий утес, размером с буксир, рухнул, образуя промоину. От этого тяжелого удара вздыбилось ледяное поле и пошло плавными волнами, не в полкилометра ли длиной? И удивительно было видеть, как на этих волнах дышащего льда толщиной в метр суетились люди – маленькие букашки-мураши. Качнуло и меня, но уже на излете шальной подледной силы.

В такие минуты наивными до глупости кажутся люди, доказывающие, что человек властелин природы...

Второе приключение ждало меня вскоре. Да и приключение ли?.. Так, встреча. После двух-трех километров тяжелого пути ноги вдруг обрели твердую опору.словно на асфальтовую площадку вышел. А-а, понятно! Площадка-то вся, что дуршлаг для откидывания вермишели. Лунка на лунке. Ловили, видимо, здесь, или, как еще говорят рыбачки, «драли» накануне леща, а, может быть, сорогу? Сейчас у лунок лежали лишь брошенные ерши. Идти по этому притоптанному и подмерзшему полю одно удовольствие. И я ускоряю шаг, поскользываясь на особенно укатанных наледях. Прошел две такие площадки, а там потянулись уже владения

«щукарей». Жерлицы оставлены на ночь. Видимо, где-то на берегу и хозяин ночует, а то и в Козьмодемьянск подался, в гостиницу. Жерлиц много, они появляются из темноты частоколом грубых высоких палок-стоек. Обхожу их и натываюсь на какой-то холмик, а из-за него... глаза выглядывают, горящие!.. Волк?! Останавливаюсь и поднимаю ледобур. Но глаза уже погасли, а от меня улепетывает перепуганная лиса. Э-э, да она не больно-то и испугалась! Во всяком случае, ворованную щуку так и не бросила, а волочит ее между суетливыми тонкими лапками. Холмик-то складом оказался, щучьим холодильником. Кто-то поутру не досчитается добычи.

Лиса лисой, но мне почему-то сразу вспомнился Копченый, или Плут, или как там еще его?... Возможно, я перетасовываю очередность событий, но это и неважно. Так о Копченом... Рассказывал он мне, как в этих местах случилось ему встретиться с волками. Дворняга Бобик успел только взвизгнуть и упал с взрезанной бочиной. (Он останется жив). И пасть бы тут Копченому-Плуту рядом с верной собакой, но ушли почему-то звери, огрызаясь и прижимая уши. Копченый клялся, что пролился перед этим свет дрожащий с неба, и был тот свет нереален, как во сне.

Правда это или нет, но одно из прозвищ Виктора – Плут дано ему за привычку спать в землянках, чужих подворьях, бродить-плутать с собакой потемну среди мертвых деревьев-кикимор, вынимать из «морд» черных ротанов, улыбаться тонкому звону лунных ночей. А чего ж только и не померещится в полнолуние?..

Странный человек этот Виктор. Писал я уж о нем, но так и не понял, кто он? Почему живет здесь, в зоне затопления, среди гниющих деревьев, подмываемых островами, свалок ржавья?

– Если заболеешь, Виктор, по-настоящему, серьезно, что будешь делать? – спрашиваю однажды, не любопытствуя зря, а действительно не понимая и беспокоясь за него.

– А-а, руки наложу, – почему-то радостно улыбается редкозубым ссохшимся ртом Виктор. – Пожил... А так, прошлой зимой сломал руку, привязал к ней палку и ходил, пока не зажила. Зажила ведь, срослась. Только скривило ее малость в сторону, ну а мне это не мешает.

Наверное, Виктору просто хорошо жить так: в звонких морозах под лунной дорожкой, в теплых ветрах и падающих звездах, когда мерилком счастья, верхней его точкой станут для Копченого теплая землянка, ломоть ржаного хлеба и стакан крепкого вина. Были ж когда-то старцы-отшельники, познающие свет в истязаниях своей плоти и безлюдстве пустошей. Может быть, Виктор из них?

Меня, городского человека, ночевать на льду вынуждала необходимость. Речь не шла о жизни и смерти. Конечно нет. И никто не гнал меня в двадцатиградусный мороз из дома. (Сейчас я, наверное, просто не решился бы на это, да еще в одиночку. Но тогда морозы только горячили мою кровь, и была особенная прелесть в одиночестве инистых ночей у костра, наедине с Лесом и с собой. И были строки в душе, может быть, наивно принимаемые мной за стихи, но искренние, несомненно:

Что ж ты, Осень-тоска, разрыдалась дождем,
Расшвыряла в борах паутину?
Мне в ответ в тишине – птичьих криков надлом
И дыханье холодное в спину

Здесь же причины были прозаические, почти без романтики. Все очень просто. Зимний день короток. Кажется, что вот только-только рассвет слепо брезжил где-то за Дубовой, как уже и сумерки упали, а там и ночь глядит холодно. Пока дойдешь до места по глубокому снегу, пока наловишь живцов, расставишь жерлицы – пора и домой собираться, а единственный выходной день пропал. Один лишь процесс бурения десятка лунок занимал у меня нередко не менее часа. Кто-то усмехнется при этом, но дело в том, что толщина льда в ту зиму достигала на

Волге почти метра, да и был тот лед, прямо скажем, дрянь – в три слоя, между которыми кисла снеговая каша. В ней ножи и обычного то ледобура только елозили, а случалось и хуже – вставали враспор, ни туда, ни сюда (это не относится к самодельным бурам заводских умельцев, тем более к ледобурам финским и шведским). Мой шнековый помощник имел особенность. Он высверливал лунки диаметром сто восемьдесят миллиметров, такие скважины-колодцы, а значит, был несравненно более загребист и упорист в работе, чем, скажем, коловорот под «белую» рыбу-сорожку. Случалось, что эта разница в сорок-шестьдесят миллиметров бросала меня плашмя на лед после двух десятков пробуренных лунок, и сил оставалось лишь на то, чтобы сдернуть с головы дымящуюся от пара ушанку и зачерпнуть прямо из лунки волжской воды, пахнувшей прелыми корягами.

Но эта же разница в миллиметрах выручала меня во время щучьего жора, недалеко от упомянутого дуба, на десятиметровых глубинах, с которых, случалось, поднимались к жерлицам золотобрюхие щуки-гопляки, не пролезавшие в лунки ходовых размеров. Тогда обычным ледобуром приходилось сверлить рядом, сдвигать лунки и протискивать тяжелую рыбину сквозь них. И хорошо, если поблизости был напарник с крепким багром.

Еще более проявлялись чудесные качества моего ледобура весной, когда опускались на лед терпкие туманы, и пьяная от талой воды рыба жировала хищно и крупнотайно. И нередко «выдирались» баграми из плотвичных лунок-дырочек лишь головы полутора-двухкилограммовых лещей, тела которых опадали обратно на дно, словно бронзовые сковороды. В лунку же «на сто восемьдесят» рыбины проскальзывали свободно.

3

В лесу долго отыскиваю хоть небольшое укрытие, ветвяной частокон, но кругом лишь голые стволы, выбитые ветром. Остановливаюсь на небольшой полянке в окружении дубков и ломаных берез. Дубняк стоит целиком, с сохранившимися вершинками. От воды он только окостенел. Березы, хоть и не меньше полуметра в обхвате, все, как одна, – половинки древесных трупов, и то устоявших лишь до первого шквалистого ветра.

Необычно, как-то нереально бурить лунки прямо в лесу. Словно происходит это во сне, возвращающемся ко мне снова и снова, во сне, в котором уже не раз я ловко заблаговременно из-под пола своей квартиры, то выставлял жерлицы во дворе дома рядом с трансформаторной вечно гудящей будкой, где, кстати, и плотва «клевала» неплохо. В ряду уловистых мест моих грез, кроме упомянутой будки, был и старый палисадник вдоль аллеи.

Смех смехом, но вот наяву приходится сверлить лед посреди лесной поляны, присыпанной свежим снегом. Первая, сквозная лунка будет в хозяйстве колодцем для воды. В две недобуренные я вставляю стойки-рогатины из тонких липок и, забросав сырым снегом, притаптываю. К этим стойкам привязываю перекладину, а на нее будут опираться три-четыре жердины из тех же липок. Легкий каркас, высотой в полтора метра, я обтягиваю двойным полиэтиленом. Кроме защиты от ветра он будет держать тепло костра, служить таким экраном. Под наклонную крышу своего прозрачного шалаша кладу пару вязанок из прутьев – устраиваю постель.

Осталось только наломать, нарубить с запасом дровишек и развести костер. Без всего, перечисленного выше, нелегко переночевать на голом льду. Применительно к этому вспоминается, как вскоре довелось нам с приятелем, коллегой по службе, заночевать здесь же, и причины были те же – один единственный выходной и короткий световой день. Приятель предложил не возиться понапрасну с костром и хитрым вигвамом, а пересидеть ночь в рыболовных клееных палатках, на стульчиках. Мол, надышим, тепла хватит, а отоспаться можно и дома. Усталые и промерзшие на ветру, мы даже немного повздорили и остались каждый при своем мнении. Я пошел устраивать укрытие от ветра и костер, а приятель, забравшись в палатку, замер там. Его хватило часа на два... Спали мы у костра, забыв наши разногласия.

После дня ловли я заторопился к автобусу, а приятель решил на свой страх и риск остаться еще на одну ночь: уж больно щедро отдаривалась Волга трех-восьмикилограммовыми щуками. Днями позже тезка рассказывал не шутя: «Чуть ведь не погиб я, Саня! Так и бросил все на льду, и шук и жерлицы! Не смог собрать... Вначале почти полз, а потом, когда разогрелся немного – побежал! Бежал, пока руки и ноги не почувствовал, чуть ли не до церкви!...».

Выяснилось, что вторую ночь он решил переночевать без костра, а потом и развести его не смог стылými руками. Мороз-то еще злее ударил, да с ветром... За жерлицами и щуками товарищ отправился вскоре, но ничего уже не нашел – собрали, видимо, люди, не слишком обремененные совестью...

Нынешней ночью морозец тоже щиплет. Ему помогает ровно усиливающийся и опадающий ветер. Мигом высвистывает тепло, стоит только остановиться. Но я выгоняю озноб заготовкой дров, которые приходится большей частью ломать по уровню льда. Топор только отскакивает от сухих дубков и кленов. С липняком тоже проблема: ломается хорошо дерево, но все на мочало исходит. Попробуй оторви друг от друга ломаные полешки, связанные лыком-корой, словно веревками. Назабавившись с дровами, развожу костер. На льду это сделать непросто: огню и то холодно. Для розжига у меня припасены таблетки сухого горючего. Вскоре рядом с палаткой полыхает звонкий кострище... Звонкий в том смысле, что трещит неимоверно, словно рвутся в нем сотни миниатюрных петард. То и дело приходится увертываться от отстрелянных кострищем угольков. (Видимо, разрывает мерзлое сухое дерево). Но и теплеет где-то в душе: рядом живое разгорячившееся существо, немного болтливое, но это вначале не мешает. А от угольков можно завернуться в армейский плащ химзащиты.

4

Просыпаюсь от холода, охватившего все тело. Костер плавает в воде, попыхивая немощно дымком и паром. За час-два угли «выели» во льду небольшую промоину, и теперь надо наращивать над ней слой дров. Через какое-то время все повторится. Так обычно и спишь всю ночь: подремлешь до озноба, а там встанешь, побегашь, поломаешь дров, помотришь на луну и снова – нос под мышку. Но сейчас решаю больше не ложиться. Перевалило далеко за полночь, а дел еще много. Вот полежу минут пять... Только эти бытовые мысли мелькнули в голове, как замер я при виде картины, пришедшей со сна неожиданно, а потому еще более волшебной. На моих глазах тяжелым пыльно-складчатым занавесом разошлись тучи, разнесло их по сторонам в жиденькую кисейку, и открылась за ней, штопаной, равнодушно-прозрачная бездна с мириадами звезд и бледным ликом страшноглазой Луны. Упал свет, заструились неверно снеговые равнины, и виделось мне, что поднялись будто бы над головой скрученные болью шершавые руки старых дубов, распались берестяные трупы и обернулись в танцующих призрачных русалок. «Не остудить бы им нежные ножки о снег, мороз ведь», – мелькает нелепое (тем более, какие у русалок ножки?), а тут уж рассыпается с небес, звенит колокольчиками знакомый смех, переливается грудно, а затем и в площадную брань переходит.

«Уж не Маргарита ли?!», – опять мерещится. Точно она! Совсем без нижнего белья дует по морозу на метле, только след инверсионный белеет да волосы искристой шапкой отдуваются в лунном свете.

«О, сладко-страстная утешительница Мастера! – шепчу в упоении. – Твоя пышно-мраморная грудь, ослепительный и плавный изгиб бедра... Соскользни ко мне, смертному, по лунной дорожке... Приди, царица чувств и ценительница таланта... Милая...».

«Милая...», – бурчу сквозь сон и просыпаюсь во второй раз. Что за наваждение?! Ох уж эти колдовские ночи!.. А картина и наяву действительно почти inferнальная. Моя круглая полянка сплошь в искорках и блестках лунного света, упавшего на чистый снег.

Чередование черных теней и бело-обнаженных берез создает иллюзию движения этих мертвых тел. Если окинуть взглядом перспективу, панораму далей, то видится покойно-бледная равнина, смутные очертания берегов и островов, где ломано-причудливо раскинуты кроны деревьев и темнеют кустарники, в которых отогревают лежки осторожные русаки. Подмигивают редкие огоньки далеких деревень, может быть, с Дубовой или Мазикино, а может быть, просто волчий мерцающий взгляд стережет мои движения из-за гнилого пенька?.. Лунный призрачный свет, мороз и звонкая тишина кругом... Почему-то пахнет яблоками и немножко чистой женской кожей...

Мне уже некогда любоваться красотами, и я, сдерживая восторг, иду бурить лунки там, за передним к Волге краем леса. Употевшись с лунками, возвращаюсь к костру и готовлю снасти, проверяю живца-сорожку, добавляю свежей воды в кан. Живца по все той же причине нехватки времени везу из города. Пойманы сорожки были летней поплавочной удочкой на незамерзающей и зимой нашей Кокшаге. Мало поймать, надо и сохранить живца, а для этого приходится дома непрерывно аэрировать воду в кане тем же компрессором, что и для аквариумных рыбок. В дороге исхитряюсь добавлять кислород обычной грушей-клизмой. Ничего, пока живы-здоровы мои сорожки. Самое главное, не менять им сразу всю воду в кане, иначе тут же забелеют кверху брюхом. Как же, стресс!..

Выставляю жерлицы по испытанным уже местам, начиная от мощного вязового пенька по свалу трех-четырёхметровых глубин. Не успев выставить и половину, замечаю вскинувшись флажки двух жерлиц. Что за наваждение?! Ночью-то кому дело до моих живцов? Налиму вроде бы не до еды – нерестом занят... На обеих снастях «мертвые» зацепы... Пришлось обрезать леску. Пока возился с этими, «заиграли» флажки других жерлиц. Полусонный и ничего не понимающий, бегаю к ним, режу леску и вспоминаю недобро местного водяного. Наконец вытаскиваю килограммового виновника всего этого переполоха. Постно-скромно выглядит его усатая нерестящаяся физиономия: ну, подумаешь, рыбку съел...

А съели налимы и затащили в коряги не меньше шести сорожек.

Решаю до утра не опускать живцов ниже уровня льда. Слишком коряжисто здесь для ловли налима. А пока иду к костру: готовить суп, пить чай, ждать утро.

Чуть засветлело, возвращаюсь к жерлицам и выставляю на них спуск уже в «полводы». Ночные чудеса еще не кончились... Едва успеваю заправить флажок одной из жерлиц, как он тут же вскидывается на тонкой пружинке-ленте! Тьфу ты! Уж не водяной ли опять гадит, помянутый мной недобрым словом, тогда еще, в ночи? Снасть испытанная и «самострелов» до сих пор не допускала.

Наклоняюсь к жерлице и более надежно завожу пружину за край катушки. Все, теперь бы только провернуться катушке при щучьей хватке, разумеется, если хватка последует... Щелк! Необработанная острая грань пружины хлестко прикладывается к самому кончику носа, и я охаю от неожиданной боли, но флажок больше не трогаю. Водяной здесь, кажется, ни при чем... Катушка вздрагивает и начинает медленно поворачиваться. Один оборот, другой... Вот она ускоряет ход и движется затем непрерывно. Тянусь к леске, подсекаю и чувствую вначале глухой зацеп, а потом словно топчак со дна поддернулся, зацепленный тройником. Ни сопротивления, ни толчков, только тяжесть. И вдруг из лунки показывается что-то непонятное: рылом судак, но черен, как эфиопский трубочист! Выволакиваю его на лед и не могу надивиться: ну точно судак, и не маленький (взвешенный дома, он потянул на 4,5 кг). Но почему такой черный и горбатый? И не здесь бы ему водиться, на глубине чуть более трех метров, в замшелых корягах, а в глубоком чистом русле давить пескарей и уклею. «Схамелеонился», видать, приспособленец. Да и куда им деваться, рыбам бессловесным? Их ведь не спросили, когда озеро-болото делали из вольной реки.

Ладно, черный ли, оранжевый в цветочек... Судак, главное, и не маленький. Это удача! Ловля началась.

Часам к десяти утра в рыбьем мешке, клееном из толстого полиэтилена, кроме судака, ворочались еще две щуки. Но... больше не было живцов. Иду искать мелкую рыбешку.

5

Утро раздумянилось, припорошилось инеем. Тихо и пустынно в лесу. Просека ли, старая дорога, а может быть, русло речки видится светло среди индевелых стволов. Иду по этой сказочной дорожке, вкусно похрустывая свежим снегом. И выводит меня дорожка к такой же сказочной полянке, на которой лежит розовый солнечный свет. Бурю лунку, таинственную в своем одиночестве. Опускаю на тончайшей «0,08» мелкую белую «дробинку» с полукольцом мотыля. Ждать не приходится. Кивок удильника вздрагивает и плавно поднимается вверх. Подсекаю и сразу чувствую полную беспомощность: на тонкой леске-паутинке тупо зависает живая тяжесть, несоразмерная со снастью. Не дыша, едва-едва подтягиваю ее, упрямую, и со страхом ожидаю последнего хозяйского рывка. Но уже забелело в лунке, и я ладонью выплескиваю на снег крупную, не в полкило ли, толстоспинную сорогу! Она сонно шлепнула хвостом и сразу припудрилась инистой крошкой. Снова опускаю мормышку и опять – уверенный подъем кивка... Точно такая же рыбина забила рядом с первой. Раз за разом брала крупная сорога на плавном опускании мормышки ко дну. В черед красноклязок попадались изредка и подлещики. Но вот поторопился ли я уже самоуверенно, или, может быть, рыба взяла увесистей, но лопнула моя немецкая паутинка. Не желая терять времени на переоборудование снасти, просто беру из сумки другую удочку с леской 0,12 мм и точно такой же малой «дробинкой». Ни поклевки... Беглянка спугнула стайку сороги? А если причина в ничтожных долях миллиметра? Привязываю мормышку к обрывку удачливой снасти. Есть! Пошло...

Это было наваждение: словно прямо от сердца тянулась в глубину тонкая леска, на которой упористо ходили одна за другой тяжелые серебристые рыбины. Ловлю себя на том, что, вываживая каждую сорожину, я мучительно и, наверное, забавно гримасничаю. Посмотреть бы со стороны...

Клев оборвался резко. Чудо кончилось... И сразу мелькает обыденная скучная мысль: не поймано ни одной сорожки, хоть сколько-нибудь годной на живца. Самая мелкая – в полторы ладони. Иду на косу по краю леса. Там раньше попадались мелкие подлещики и густерки, реже – окуньки. Нет, сейчас там пусто. Хожу по знакомым местам, сверлю и сверлю, дырявлю лед, но словно заговорены мои лунки, равнодушно-безжизненно темнеет в них вода и от этого холодеет на сердце.

И тут со стороны Козьмодемьянска ходко и торопливо гости заявили. Два рыбачка и с ними... кот. Нет, если соблюдать хронологию событий, кот появился позднее. Вначале быстро-быстро присеменили рыболовы и, не поздоровавшись, сразу уселись на мои готовые лунки, из которых я так ничего и не выудил. Меня перекивало в злорадной усмешке: ну-ну, мол, давай-давай, шустрые. Сидеть вам здесь и «оэрзэ» ловить. Не чета вам асы сиживали... Но что это?! То один, то другой удочкой поддернет... Бойко, как и шли, пришельцы вовсю принялись ловить мелкую густерку и сорожку. Как раз годную на живца. Терпел я терпел, менял лунки, импровизировал с мормышками, и, наконец, не выдержал. Подхожу к ним, а самого опять кривит, но только теперь от унижения.

– Ребята, на что лаврушку дергаете?

Они что-то там руками поерзали, прикрываясь, и отвечают:

– Дык, на мотыля. Во, гляди.

И показывают спичечный коробок, в котором тихо лежали усопшие личинки комара-долгунца, дергунца, толкунчика ли (по Сабанееву), несимпатичные такие, позеленевшие.

Ничего не поделаешь – берегут секрет ребята. Не стоять же у них за спиной, дыша в затылок. Отхожу от них, раздосадованный больше на себя, а местные крохоборы, бросая на

меня взгляды, быстренько смотались и перекинулись метров за сто, опять же к готовым моим лункам. Смотрю, и там теребят что-то серебристое, в пол-ладошки да с ладошку. Иногда и крупная волжская сорога блеснет на солнце.

Но ее не бросают на лед, а убирают под себя – в ящик. А я болтаюсь по лункам, проверяю и те, где только что ловили соседи. Впустую... Раздраженно сковыриваю «химчулком» комок смерзшегося снега, а из него вдруг вываливаются обыкновенные тонконогие тараканы. Три штуки. Вот оно что!.. Похоже, этой ночью у ребят-соседей было тараканье сафари. Преодолевая брезгливость, насаживаю одного таракана на крючок и опускаю в ближайшую лунку. Триньк! – сразу и весело стукнуло по кивку. Сорожка! Еще одна, еще!.. Пока тараканы не истрепались, сорожка с готовностью и какой-то лихостью набрасывалась на мормышку, но едва нацепил мотыля, последовала неуверенная пустая поклевка, словно по инерции, а затем все прекратилось. Ладно, живец есть, и на этом спасибо.

Иду к жерлицам, а навстречу мне вышагивает серый кот... Спокойно так, словно где-нибудь у мусорных баков под угодливыми взглядами местных Мурок. Но ведь до жилья не меньше пяти километров, а мороз к двадцати градусам, наверное, подбирается. Кот ведь – не собака, которая на снегу отоспится, а потом лениво брешет на луну. Ему бы где-нибудь у печки или батареи мурлыкать. «Кис-кис», – зову, а тот даже взглядом не удостоил. Гордый? Ну и ладно... Хотя попробую еще раз. Достая из-за пазухи теплый бутерброд и размахивая перед котом долькой колбасы с прилипшим сливочным маслом. Кот подошел, понюхал колбасу в моих руках и равнодушно отчалил в сторону. Ладно, проголодается – съест. Оставляю колбасу на куске старой бересты и иду к жерлицам.

Щука брала уверенно. К часу дня, когда вдруг задул ветер и пошел снег, решаю сматываться. Мне не поверят, но единственным моим желанием тогда было, чтобы только не случилось больше щучьей хватки. Во-первых, поймано и так достаточно, а, во-вторых, – ведь на себе нести. Но по известному уже закону жизни, именно наоборот все и случается. Когда мне осталось снять пару жерлиц, и я уже шел к ним, выстрелил победно флажок. Может быть, отпустит щука живца, бросит?.. Нет, катушка закрутилась и вскоре леска была смотана с нее до конца. Я тоже пытался делать все с точностью до наоборот: вместо того, чтобы подбежать к жерлице и подсечь рыбину, я лениво оглядываюсь по сторонам и как бы не замечаю того, что жерлица натужно кренится из стороны в сторону от сильных рывков. Нет, рыба не захлестнулась за корягу, не сорвалась с крючка, несмотря на мою нарочитую небрежность, и когда, вопреки всему, из лунки показалась голова упитанной щуки, из моей груди вырвался тяжкий вздох.

Спешно увязываю мешок, допиваю чай из термоса, чтобы легче было нести, и вдруг слышу воронью базарную перебранку. Все тихо было в моем волшебном лесу, а тут на тебе... Скандала только не хватало... А вороны, пригибаясь на озябших лапах, кланут друг друга азартно и все норовят ухватить что-то клювами. Подхожу ближе и с трудом замечаю под свежавыпавшим снегом знакомого уже серого кота... Это что же получается, он умирать сюда забрел в такую даль? Пришел, ища безлюдья, а здесь тоже суета. Двинулся было дальше, к лесу, чтобы принять гордую одинокую смерть, но немножко не дотянул – свалила судьба. Я уважаю его выбор: из последних сил ковыляло маленькое животное по морозу, только для того, чтобы достойно уйти. Чтобы не валяться потом серым комком на помойке, а уснуть тихо под высоким небом и падающим снегом, который укроет от нескромных глаз. Я спешу, но, иронизируя над собой, не могу не выполнить последнее желание гордого животного. Под ненавидящими взглядами ворон сооружаю над котом холмик из снеговых кирпичей, вырезанных наскоро рыбацкой «шумовкой». «А вы ершей собирайте!», – машу рукой воронам, но те не улетают, а угрюмо ждут, когда я уйду.

Пока я хлопотал с похоронами кота, снег повалил еще гуще, а едва я вышел в обратный путь, он упал уже по всем сторонам непроглядным сумрачным пологом. Лишь крутилась под ногами поземка, тут же заметающая за мной след. Единственным очень примерным ориентиром мне служил сигнал «Маяка». Приемник мурлыкал под овчинной дубленкой, и когда я слишком круто забирал от линии «восток-запад», которой мне следовало придерживаться, как сигнал радиостанции слабел. Это, конечно, не компас, но другого не было дано, кроме разве что ветра. Но и он налетал, кажется, со всех сторон.

В слепом моем пути был только снег. Он рыхло проваливался под ногами, на глазах становился барханными заметами, лез в глаза, сухо и морозно хлестал в лицо. От него немели щеки и лоб. И все мне не верилось: только-только был за спиной лес, и пропал, проглядывался ясно на буграх Козьмодемьянск, далеко впереди спичечной головкой чернел купол церквушки, ехала одинокая машина по левобережной дамбе, и слышались звуки... Все исчезло в один миг. Сейчас взгляд вырывает из сумрака лишь двадцать-тридцать метров глухой снежной целины. Вертелась неотвязно скучно-тоскливая мысль: это конечно не море, но если не видеть ориентиров, то еще долго можно гулять между берегов водохранилища, даже если расстояние между ними не больше восьми-двенадцати километров. (А кто их мерял, эти километры?). Вполне возможно, что сейчас я просто хожу кругами или широкими зигзагами, полагаясь на радиоволну, но я гнал эту мысль и шел вперед, поддегивая время от времени впившиеся в плечи лямки рюкзака.

Тяжелый... И не кирпичи ведь несу. Но живая рыба не легче. Еще слышно, как ворочается в осклизлом полиэтилене пойманная напоследок щука, шлепает сонно тяжелым хвостом. Наловил на свою голову!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.